

ГЕН ДРАКОНА

Астър уіолл

18+

АСТЬ & Violl
Ген Дракона

«Автор»

2026

Violl A.

Ген Дракона / A. Violl — «Автор», 2026

Ген дракона проснулся, мир дрогнул. Не ищи в этом случайности: когда тьма готовится к новой встрече, судьба сама находит тебя.

© Violl A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Дикая орхидея".	5
Глава 2. "Жертвоприношение."	8
Глава 3. "Междумирье."	15
Глава 4. "Творцы."	22
Глава 5 "Пробуждение."	33

Асть & Violl

Ген Дракона

Глава 1 "Дикая орхидея".

«Код дракона проснулся, мир дрогнул. Не ищи в этом случайности: когда тьма готовится к новой встрече, судьба находит тебя сама».

Глава 1. «Дикая орхидея»

Анаис стояла на краю водопада и смотрела на огромные струи воды, разбивающиеся внизу о камни на тысячи брызг, которые вновь устремлялись вверх облаком освежающего пара, создавая атмосферу прохлады утреннего леса в волшебном тумане. В самой гуще, среди лиан и тишины, она приходила сюда, испить из самого чистого источника и переродиться. Ритуал омовения она совершала после каждой кошмарной ночи в которой её душили хваткие корни дикой орхидеи. Эпифит опутывал ее своими корнями, пытаясь высосать душу - словно воду, ища опору на её юном хрупком теле. Она просыпалась с криком, пытаясь в ужасе сбросить с себя корни растения. Анаис ступила к самому краю водопада, обняла себя руками и шагнула в пучину чистой и одновременно жёстко ледяной воды. Тело пронзили мириады тонких игл. Провалившись в бурный поток водоворота с головой, она отдала всю себя бурлящей пучине, кончиками пальцев почти достав до самого дна и оттолкнувшись вверх, чтобы вновь подняться к свету, к звёздам своего сосуществования. Вынырнув на поверхность, она с жадностью глотала воздух. Выбравшись на камни и почувствовав умиротворительное блаженство, устремилась в самую глубь леса, туда где манящая тишина, где Фаэ сплетают магические трели своих песен, проявляясь на поверхности из Междумирья. Лесные нимфы кружат в упоительно чувственном танце над прекрасными орхидеями, что раскинулись свисающими с лиан цветущими гроздьями розово - сиреневых цветов, наполняя этот мир эфиром своего прекрасного существования. Фаэ с мужским началом касается пыльца орхидеи, и его бронзовая кожа начинает светиться. И вот тут начинается самый что ни на есть магический танец, оргия для насекомых всех мастей. Сексуальный обман орхидеи, источающий женские феромоны, привлекает всё больше и больше самцов. Пыльца выстреливает, создавая медовое облако для своего эротического притяжения. Анаис рукой касается нежного цветка, смущая Фаэ, будто его застали за чем то сокровенно интимным. Эльф злобно оборачивается на неё, смотрит, как она отрывает цветок и прикрепляет к своим волосам за ухом. Его глаза становятся огромными, в них читается: «Ты не должна была этого делать». Для него цветок не был украшением, он был частью договора, который люди не имели права нарушать. Он смотрит на человека враждебно, будто бы Анаис сорвала не цветок, а повернула ключ в воротах между мирами выпустив на свободу магию и темноту, что была запечатана веками в сумеречной пустоте. Лепестки орхидеи за ее ухом дрожат в такт её дыхания. Со звонким смехом она убегает прочь по едва заметной тропе в глубь тропиков. Для нее это всего лишь игра, она сотни раз наблюдала как фаэ совокупляются с эротически - прекрасным цветком. Эльф в ярости следует за ней, не в силах оставить это безнаказанным. Для неё это всего лишь игра, для него — вызов, начало новой войны между людьми и фейри. Тьма проснулась, чтобы снова принести в мир людей хаос. Мир снова становится уязвимым, на пороге надвигающаяся буря и что то подсказывает, что она разрушит на своем пути всё до самого основания, не оставив даже слова, что повисло молчанием в воздухе тропического леса. Убегая Анаис замечает, как цветок в волосах стал будто бы тяжелее.

Лепестки едва заметно пульсируют, даря покалывающие ощущения на коже головы. По телу бегут мурашки, как будто ее суть пытается переварить магию из мира Фейри. Она касается руками головы и оборачивается, когда Фаэ почти настигает её, он не бросается в драку, он замирает, увидев как от цветка тянется тонкая струйка тени к свету в её груди, почти невидимая нить. Орхидея не просто якорь, и не печать удерживающая просачивание между мирами, а что то большое и значимое. Едва уловимая тень проникает в самое сердце грудной клетки словно змея, шипя и оставляя след на коже в виде символа, причиняя нестерпимую боль, словно ее выжгли раскаленным клинком или ужалила сама кобра. Тело немеет парализуя свою жертву ядом. Фаэ с интересом наблюдает как магия поглощает человека. Он впервые обращает внимание на то, что юная женщина, хрупкого телосложения, полу обнаженная с длинными волосами цвета какао, не знавшими солнечного света, содрогается от пронзающей боли магии из его мира. Она бьётся в судорогах, в её глаза цвета крыльев бабочки Морфо - но не голубые, а те самые редкие экземпляры, где коричневый отликает золотой медью, их темнота сравнима только лишь с бездной. Страх и ужас застыл на её юном лице. Если бы он встретился с ней в мире грёз Фейри, он счёл бы её за дурнушку, но для мира людей она была необыкновенно красивой. Стройные ноги, узкие бедра, ещё более тонкая талия, маленькая грудь, но соответствующая ее тонкому телу. Розовые влажные губы, узкое лицо, высокие скулы и глаза...цвета Морфа. Скорее всего она жрица из Храма богини любви, плодородия, воды и света. В котором совершают свои подношения жители острова Таху. Принося дары природы и даже человеческих детей. Храм богини Анаиты, что стал ее домом, с тех пор, как родители принесли ее в жертву, положив на алтарь в жертвенном подношении.

-Наиссссс..." тяжёлый полу шепот донёсся эхом со стороны леса. - "Что ты наделала? Как ты посмела нарушить тишину?

-я....- вдохнула она - я просто сорвала цветок...

Мир, в котором живёт Анаис, дышит влагой и зелёной тяжестью. Он соткан из бесконечных тропиков, где лианы сплетают небо и землю в единую сеть, а водопады не просто падают, они поют на своём древнем языке. Воздух здесь влажный, пропитанный ароматами экзотических трав и влажной коры. По утрам туман стелется по земле, будто сама богиня Анаита обнимает свои владения. Храм любви, плодородия, воды и света стоит в самом сердце этих земель. На острове, куда можно добраться только по узкому каменному мосту, исчезающему в тумане при малейшем колебании ветра. Храм не похож на величественные дворцы из камня, он словно высечен из самой природы. Его стены, это переплетённые стволы священных деревьев, арки из изогнутых корней, а крыша покрыта слоями широких листьев, по которым дождь стучит, как ритуальные барабаны. Внутри всё пропитано водой. По каналам, вырезанным в каменном полу, тихо течёт вода, собираясь в неглубоких бассейнах и фонтанах, где жрицы совершают омовения. Свет проникает сквозь прорехи в листьях, рисуя на полу дрожащие узоры, будто письма самой богини. В храме царит строгий, почти музыкальный порядок, где каждая женщина - звук в великой песне служения. Их делят на три касты, и переход между ними невозможен.

Воительницы — живая стена храма. Их тела закалены тренировками, кожа покрыта ритуальными шрамами обозначающие победы и клятвы. Они носят доспехи из высушенных панцирей морских черепах и вооружены изогнутыми клинками из чешуи драконов, лезвия которых заточены так тонко, что могут рассечь лепесток орхидеи на лету. Воительницы не просто охраняют храм, они чувствуют малейшее изменение в ритме леса. Знают, когда приближается чужак, ещё до того, как он ступит на мост.

Мудрые жрицы — хранительницы памяти. Они проводят дни в полу тёмных покоях, где на стенах вырезаны древние символы и руны, а на полках стоят сосуды с засушенными травами, корнями и лепестками растений. Их сила, не в мускулах, а в знании. Они читают знаки на воде, предсказывают перемены по цвету тумана и знают сотни песен, способных успокоить бурю или вызвать дождь. Их голоса, это голос самой богини, когда она желает быть услышанной.

Предназначенные — те, кого храм готовит к высшей жертве. Это не наказание, а долг, окутанный тайной и благоговением. Предназначенные живут в отдельных кельях у самой кромки воды, где их дни наполнены созерцанием мира, тихими молитвами и подготовкой к переходу. Они не носят оружия и не изучают науки, но их учат видеть красоту в каждом мгновении. Замечать, как капля росы дрожит на лепестке, как меняется цвет неба перед закатом. О чём перекликаются дикие животные в глубине джунглей. Их кровь считается самой чистой, самой сладкой для богини, ведь в ней нет ни гнева, ни гордыни, только принятие. Анаис принадлежит к касте Предназначенных, и в этом её тихая трагедия. Она не умеет держать клинок и путается в наречиях народов, но у неё есть другое, она умеет чувствовать. Она замечает, как вода шепчет у корней, как птицы замолкают перед бурей, как воздух становится тяжелее за мгновение до дождя. Для остальных это пустяки, но для Анаис, целый язык, который она умеет читать вслух. От Капище, где приносят жертвы, находится в самом дальнем углу храма, скрытое за завесой из живых лиан, которые расступаются только в определённые дни. Оно представляет собой круг из тёмного камня, в центре которого стоит чаша в виде ванны, соединённая каналами с подземными водами. В дни ритуалов вода в чаше начинает светиться слабым перламутровым светом. Говорят, это сама богиня протягивает руку за даром. Жизнь в храме подчинена циклам воды и луны. Каждый месяц наступает ночь, когда граница между мирами истончается, и именно тогда богиня требует своей платы. В эти ночи воздух становится почти осязаемым, а тени в храме будто обретают собственный голос. Жрицы шепчут молитвы, воительницы стоят на страже, а Предназначенные выходят к капищу, ведомые не страхом, а странной, глубокой тишиной внутри себя. Но в этом мире есть и трещины. Среди жриц ходят шёпоты о том, что богиня в последние годы стала молчаливее, а вода в каналах, холоднее. Некоторые верят, что равновесие нарушено, и жертва должна быть не просто данью, а ключом к чему-то большему. И, возможно, именно Анаис, с её умением слышать тихий шёпот мира, окажется той, кто либо восстановит баланс, либо навсегда его разрушит. Под храмом раскинулся древний лабиринт, запутанная сеть тоннелей, выточенных из черной лавы, где тени сплетаются в причудливые узоры, а воздух пропитан запахом сырой земли. В самом сердце лабиринта, в круглом бассейне из полированного абсидианта, покоится живой Кристалл. Он мерцает изнутри, будто в нём заключён кусочек звёздного неба, и тихо пульсирует в такт невидимому ритму мира, переливаясь семью цветами неба. Со всех сторон его омывают подземные воды, они шепчут что-то на забытом языке, отражая призрачные отсветы Кристалла. Раз в год, когда в ночном небе Звезда гигант Мираль спускается ближе к океану и заливают землю пронзительноярко розовой пульсацией, воды медленно отступают, уходя глубоко под землю, обнажая каменную спираль лестницы. Тогда жрицы, облачённые в ритуальные одеяния, спускаются вниз. Ступень за ступенью, сквозь тишину, нарушаемую лишь эхом их шагов, чтобы в полной темноте, озаряемой лишь сиянием Кристалла, совершить древний ритуал, от которого, как верят они, зависит равновесие всего мира.

Глава 2. "Жертвоприношение."

Глава 2. "Жертвоприношение."

Ужас застыл в глазах Анаис. Она хваталась руками за горло, но воздух не шёл в лёгкие. Боль в груди, оставленная жалом орхидеи, пылала, разрывая её изнутри. Сознание и речь парализованы, остались только зрение и слух.

Из храма её любимой Богини доносилось пение Мудрых жриц. Оно приближалось, и тревога нарастала вонзаясь в тело, как острые клинки.

- Неужели этот день настал?- Мысли метались, словно загнанный зверь...

Не таким она его себе представляла. Анаис была уверена, что взойдёт на капище в абсолютной тишине своего сознания, убаюканная дурманом трав, готовая стать той, чью чистую кровь Богиня призовет пролить на алтарь подношения.

Фаэ тоже слышал это пение. Он был напуган. Хотел наказать дерзкую девчонку за то, что она сорвала его желанный цветок, а теперь, похоже, прольётся человеческая кровь. Мир людей для него навсегда останется загадкой. Он предпочёл бы запереть её в мире Фейри на тысячи лет, чтобы она ткала из нитей дождя тончайшую паутину веками, но мир, в котором она живёт, куда более жесток и извращён, чем его, где властвует абсолютная магия и Творцы. Здесь же правят боль, зло и жажда бессмертия.

Мудрые жрицы нашли её в самой глубине тропиков. Подхватили на руки и понесли к храму, высоко подняв над головами, словно несли священную ношу. Они продолжали напевать ритуальную песню, будто сама Богиня восстала из колодца подземных вод. Их руки держали её крепко, словно корни орхидей, что мучили Анаис в ночных кошмарах.

Теперь её омывали накопившимися дождевыми водами из бассейна, натирали кожу пряными ароматами, вплетали в волосы цветы. Пение жриц убаюкивало сознание. Анаис пыталась зацепиться разумом за стены храма, чтобы не впасть в наркотический сон. На стенах и алтаре были высечены драконы, извергающие пламя, что сжигали юных дев. И сегодня она станет очередной Предназначенной. Ее взгляд цепляется за каменную чашу, в которой Мудрые жрицы собрали смолу с красного дерева, разбавив дождевой водой, чтобы вязь приобрела кровавый цвет. Одна из старших жриц Тарисса, подняла чашу над головой, под монотонное мычание других жриц подошла к Анаис и поднесла к губам новоиспечённой жертвы.

- "Пей,-прошептала Тарисса.

Анаис покорно пригубила. Жидкость обожгла горло. Ее желудок скрутил спазм, как будто внутренности вспороли ритуальным клинком, вывернув наружу.

Анаис не понимала, где кончается реальность и начинаются галлюцинации. Дым от наркотических трав стелился по храму, обволакивая её тело, словно руки самой Богини, сжимающие жертву в последнем объятии. Мир расплывался, грани чаши теряли чёткость, запахи смешивались между собой горьким духом горящих корней. Шёпот жриц превращался в далёкий гул прибора.

Она лежала на холодном камне, чувствуя, как тепло покидает её, а вместо него приходит странная, тягучая ясность, будто сознание, теряя опору в настоящем, цеплялось за видения, делая их ярче самой жизни. Сквозь пелену тумана она смотрела в центр храма, туда, где под землёй таился живой Кристалл. Сейчас он будто заговорил, сквозь слои реальности, она видела его не глазами, а всем существом, ощущая, как его свет пульсирует в такт её слабеющему сердцу.

Из сияния Кристалла медленно проступала голограмма. Сначала лишь мерцание, затем узоры, а потом они обрели форму. Огромный Дракон, чешуя которого переливалась оттенками

ночи и пламени, преклонил голову перед ней. В его глазах отражались звёзды и тысячелетия бытия, и в этом поклоне Анаис прочла не покорность, а признание. Она ключ, она жертва, она та, что должна открыть врата.

Рядом с Драконом из тьмы возник мужчина.

Он появился не из света, а из тени. Он просто стал там, где мгновение назад была пустота. Высокий с темными волосами, слегка растрёпанными, будто он только что прошел сквозь вихрь. Он был похож на существо из легенд, в нем не было ничего человеческого, рельефный торс, его тело было худощавым, но прекрасно сложенным. В каждом изгибе мышц чувствовалась скрытая сила. Тёмные волосы до плеч слегка завивались, обрамляя лицо, черты лица были острые, хищные, но притягательные до дрожи. Его длинные ноги в черных тенях привлекали внимание. На голом торсе мужчины проступали символы, значение которых оставалось для неё тайной. Казалось, они светились изнутри, словно вены, пульсируя в унисон с ритмом Кристалла и далёкой, но такой любимой красной звёзды Мирель.

Мужчина не смотрел на неё прямо, но она чувствовала его взгляд, тяжёлый, обжигающий, будто он знал о ней всё, даже то, чего она сама не осознала. Он стоял между драконом и алтарём, словно страж на границе миров, и в его молчании Анаис слышала ответ на вопрос, который она так и не успела задать: «Что будет, когда ритуал свершится?»

А Кристалл продолжал показывать голограммы, сцены из будущего и прошлого. Как рушатся стены храма, как воды уходят под землю, как Звезда Мираль зажигается над миром, обещая перемены. И среди всех этих образов Анаис видела ещё одно важное действие. Мужчина делает шаг вперёд, протягивает руку, и в этот миг она понимает, жертва ещё не свершилась. Есть ещё мгновение, чтобы выбрать. Жрица обмакнула пальцы в зелье и провела красную полосу от лба до самого подбородка. Облачённая в красные одежды, символ того, что дева созрела, но не для мужчины она предназначалась, а для богини. В воздухе повисла немая тишина, словно мир остановился и замер в её сознании. Множество фей и Нимф застыли в воздухе, перестав порхать крыльями. Она смотрела, то на одну свою сестру, то на другую, взывая в мольбе прекратить безумие. Она ещё не готова. Не сейчас, не сегодня. Ей хотелось кричать, и как бы странно не звучало для Предназначенных, жить, но её голос охрип и почти исчез. Жар воздуха охватил её тело, озноб испариной проступал сквозь кожу. Это действовала пригубленная смола красного Драконьего дерева "Багровый Агатис". Сумерки сгущались и наконец наступила ночь. Черно синее небо и звёзды смотрели на Анаис в немом бережном молчании. Вокруг раздавались ритуальные танцы, призывая богиню промолвить слово. Но её взгляд зацепился за далёкую Звезду красного цвета, она пульсировала в ритм её сердца или ей так казалось или ей так хотелось. Как будто весь мир, стал её дыханием и бился в унисон с её сердцем, ритмы которого постепенно замедлялись, она почти не дышала. Сотни песен и сказаний были сложены Мудрыми жрицами в честь этой огненно красной звёзды....и Анаис не была исключением, она тоже в тайне молилась ей. Богиня всё молчала...

Затем наступил новый день, он показался для Анаис изнуряюще тяжёлым и длинным, потом ночь. Потом ещё один день и ещё одна ночь. Анаис то погружалась в беспокойный сон, то просыпалась от диких возгласов жриц, то проваливалась в забытие. Жажда мучила её горло. Тело мучилось в кошмарах. Она не пила с тех пор как пригубила драконье зелье. Очень хотелось пить. Её губы растрескались от сухости, так часто она их облизывала, в надежде найти хоть одну дождинку. Три дня на джунгли не проливался дождь, сильное испарение мучило не только Анаис, но и весь континент. Казалось вода всего мира, покинула его и ушла глубоко в землю. Она почти обезвожена, жар тела сжигал её изнутри, даря снаружи сильный озноб. Она горела в агонии.

По канонам жертвоприношения, Дракон не принявший жертву в течении трёх дней, оставлял её на волю жриц, тогда деве вскрывали вены и пускали кровь в чашу. Вода окрашивалась в красный цвет и по стокам стекала в землю.

Анаис потухшим взором смотрела, как главная жрица Тарисса, рассекает кожу на её запястье ритуальным клинком, как тонкие вены разрываются. Как кровь быстрым потоком бежит по руке, по ладони, стекая с пальцев капая в чашу, вода окрашивается в розовый цвет, сердце замедляет ритм, жизнь медленно вытекает из тела. Эйфория и сон увлекаю в царство мертвых.

- Ты сорвала мой цветок...- голос в сознании удерживает её на волоске между явью и тьмой.

-Ты посмела сорвать мой цветок..- словно из самой бездны ее призывают к ответу....

-Я.....я.....просто.....- не в силах ответить, Анаис теряя сознание - я не хотела....

Гром рассекает остров на пополам, на до и между и открываются врата Междумирья. Он возник из полумрака, будто сам сумрак принял человеческую форму и теперь носил её с пугающей непринуждённостью. В нём не было ничего от мягкого света и даже тень, ложившаяся на его фигуру, казалась плотнее и чернее обычного, словно цеплялась за него, как преданный зверь. Рельефы мышц, выточенны не праздной красотой, а бесконечными испытаниями. В каждом его движении чувствовалась хищная точность. Тёмные волосы до плеч слегка вились, но выглядели так, будто в них запутались обрывки ночи: они не блестели, а поглощали свет, делая силуэт ещё более размытым на границе тьмы и храма. Острые черты лица, будто высеченные из камня: высокие скулы, прямой, чуть изогнутый нос, линия челюсти, от которой веяло холодной решимостью. Глаза... в них не было тепла, в них жила ирония и тлея древний, равнодушный холод. Взгляд того, кто видел слишком много смертей и перестал их замечать. Он не приближался, он просто оказывался ближе, будто пространство само сжималось вокруг него. От него веяло не запахом трав или дыма, а чем-то холодным, привкусом запретных миров.

Когда он наконец поднял взгляд на Анаис, лежащую на алтаре в ритуальном платье в чаше с водой, куда сочилась ее кровь, в нем не было ни жалости, ни торжества, только ледяное знание. Он понимал, что сейчас произойдёт, и был частью этого. И страшнее всего было не то, что он мог причинить ей боль, а то, что для него это не было ни злом, ни добром, лишь исполнением неизбежного.

Воцарилась тишина. Эта тишина была тяжелее камня, она оседала на плечи, вдавливала в пол, небо опускалось на плечи. Голоса жриц рассыпались на отдельные звуки, стук камня, шелест ткани, сухой выдох, звон металла и каждый звук становился всё тише, пока не превратился в далёкое эхо, доносящееся будто сквозь толщу туманного леса. Воздух стал густым, как смола, и в нём плавали не частицы пыли, а обрывки воспоминаний: чей-то смех, запах дождя, тень крыла огромной птицы. И в этом воздухе Анаис слышала не слова, а ритм — низкий, тяжёлый, похожий на биение огромного сердца земли. Воспоминание из её детства, полоснуло вспышкой молнии. Звезда гигант Мирэль опустилась до горизонта, пронзительно-розовым лезвием. Воды под храмом начали уходить почти незаметно, сначала по краям бассейна у капища показались тёмные края застывшей черной лавы, потом каналы в полу обнажили резные кладки камня, которые обычно прятались под рябью. Под храмом, в лабиринте, отступление воды звучало как протяжный, тяжёлый вздох земли, жадный глоток.

Мудрые жрицы шли, облачённые в одеяния из тёмного шёлка, расшитого нитями из лунного серебра.

Анаис не должна была быть здесь. Но она не могла остаться в своей келье, когда воздух стал густым, как сироп, и каждый звук отзывался внутри неё странным эхом. Маленькая девочка видела, как вода отступает, обнажая каменную спираль лестницы, и что-то потянуло её вниз, к самому сердцу земли, в самое сердце храма. Она шла по краю процессии, прячась в тенях, сливаясь с ними, потому что её учили замечать детали, а не привлекать внимание.

Спуск был долгим и монотонным. С каждым витком спирали воздух становился холоднее, и запах сырой земли смешивался с чем-то острым, металлический привкус оседал на губах. Тени на стенах уже не были просто тенями, они шевелились, вытягивались, словно пыта-

лись дотянуться до идущих. Анаис крепче прижимала ладонь к стене, чтобы чувствовать ритм камня, так ей было легче не потерять себя в этом, тяжёлом пространстве.

Наконец процессия достигла круглого бассейна из полированного обсидиана. Живой кристалл стоял в центре, и теперь, когда воды почти ушли, он светился не мягко, а яростно, пульсируя всеми семью цветами неба, будто внутри него билось настоящее солнце и настоящие звёзды.

Когда жрицы встали вокруг бассейна, их голоса слились в низкий, вибрирующий напев. Это не была песня, которую можно запомнить и повторить, это был протяжный звук о-о-о-ммм о-о-о-лливееер, который нужно было чувствовать кожей. Он был до жути манящим и одновременно опускающим в самые недра земли, откуда казалось не возможно найти выход к свету. И именно тогда Кристалл заговорил с Анаис первый раз...

Не словами.

Он заговорил дрожанием воздуха. Дрожь прокатилась по полу, поднялась по стенам, вошла в кости и зубы, они застучали, заставив сердца биться в такт чему-то огромному и древнему. В этот момент она поняла, что слышит не только звук, но и смысл. Кристалл пел о равновесии, о границах между мирами, о том, как тонка эта грань, как легко её порвать.

И ещё он пел об Анаис.

Она не знала, как поняла это, но поняла. Кристалл знал её имя, знал её из давности времён, о её тихом умении слышать мир. И он звал её.

В этот миг одна из Мудрых жриц резко обернулась, будто почувствовала чужой взгляд. Её глаза скользнули по темноте, задержались на том месте, где она стояла, почти слившись со стеной. На долю секунды их взгляды встретились. В глазах жрицы мелькнуло не осуждение, а что-то похожее на ужас, она поняла, что Предназначенная слышит то, что слышать не должна.

«Уходи», — одними губами прошептала жрица.

Но было поздно. Кристалл вспыхнул ослепительным белым светом, и вибрация стала такой сильной, что пол под ногами задрожал. Тени, до этого лишь шевелившиеся, вдруг рванулись вперёд, сплетаясь в фигуры, похожие на силуэты людей, но без лиц. Граница между мирами дрогнула.

Анаис почувствовала, как что-то внутри неё откликается на этот зов, не как приказ, а как узнавание. словно её тихая способность слышать шёпот мира была не слабостью, а ключом, который сейчас поворачивался в замке древней тайны.

Из теней камней навстречу шагнул огромный мужчина и протянул руку.

Анаис испугавшись бросилась прочь, вверх по каменной кладке. Тени следовали за ней, касаясь ее босых ног, но она всё бежала и бежала, напуганная неизвестным, прочь подальше от мрака и тьмы к свету... Тени не бежали за ней, они опережали. Они вытягивались, сплетались в силуэты, похожие на руки, и тут же рассыпались, чтобы собраться вновь уже на следующем витке. Анаис прижимала ладони к стене, чтобы не потерять равновесие, тьма пыталась замедлить её бег. Она споткнулась о ступень, на миг мир перевернулся, ещё вот вот и она упадет по ступеням вниз, но она удержалась. Сердце колотилось где-то в горле, а в ушах звучало: «Что ты выберешь, Анаис?» — словно голос Кристалла преследовал её даже после того, как она выбралась на свет.

И вот теперь, этот голос звучал в её сознание, словно гром неба и принадлежал он мужчине созданному из теней.

Её кровь перестала быть просто кровью, она стала той самой, что способна зажигать звёзды и гасить миры. Кровь дракона. «Выбор сделан».

Мужчина посмотрел ей в глаза. В его взгляде не было ни жалости, ни жестокости, только знание, что сейчас решается не судьба одной девушки, а судьба двух миров.

— Ты не жертва, — произнёс он, и его голос прозвучал так, будто каждое слово было выкованным из льда.

И в тот момент, когда Тарисса уже собиралась произнести финальную часть ритуала, земля под храмом дрогнула. Воды, которые три дня не проливались дождём, вдруг хлынули из-под земли, поднимаясь по стокам, по стенам, по колоннам. Они смывали высеченные клятвы, растворяли древние печати, уносили с собой старые законы.

А врата Междумирья, распахнутые громом и молнией начали втягивать в себя свет. Тонкие нити черной и белой магии сплетались между собой клятвами.

— Оставь её, она моя — прозвучал его голос, и это был голос из самой бездны.

Анаис почувствовала, как тепло возвращается в её тело, но это было не обычное тепло. Это была сила, тяжёлая и древняя, словно в её венах текла не кровь, а раскаленная лава. Боль не исчезла, она преобразилась. Теперь она была не мукой, а Торжеством.

— Ты можешь остаться здесь и стать легендой, которую забудут через сотни лет, — сказал он. — Или ты можешь пойти со мной,

- Цветок, что ты сорвала, не был просто цветком, он пророс в мир людей из самого меня и по законам магии и Междумирья, сорванный цветок становился сердцем того, кто принадлежал этому пространству. Ты взяла то, что не принадлежало тебе.

- Я... я не знала, - прошептала Анаис.

- В Междумирье нет значения слов «не знала». Здесь каждое действие - выбор, а каждый выбор имеет цену. Ты сорвала моё сердце. Теперь оно твоё -по праву захвата. - Но сердце тьмы не умеет любить. Оно умеет только властвовать.

Анаис почувствовала, как холод и жар пробиваются под кожу, словно сама магия цветка пыталась проникнуть в её суть, переписать её изнутри.

- Что ты хочешь? - спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он улыбнулся, его улыбка обещает опасность.

- Есть два пути, человеческое дитя. Первый - ты возвращаешь мне моё сердце. И, тогда я уйду, оставив тебя с воспоминанием о том, как близко ты подошла к границе, отдав тебя на волю жриц. Второй - ты оставишь его себе. И тогда бездна придёт за тобой. Потому, что сердце тьмы не может существовать отдельно от своего хозяина. Оно будет тянуть тебя ко мне, пока ты не станешь частью этой тьмы. Или пока не сгоришь в ней.

Анаис посмотрела на цветок, что тлел между ее грудями, прорисовываясь контурами узора.

- Ты даёшь мне выбор? - спросила она, чувствуя, как страх смешивается с чем-то ещё - с тем странным притяжением, которое она ощутила с первой секунды его появления.

- Я даю тебе правду, - ответил он, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на сожаление.

- В Междумирье это самое жестокое, что можно дать.

Тишина снова сгустилась, и в этой тишине Анаис услышала, как бьётся сердце тьмы, не в цветке, а где-то внутри неё самой. Оно было таким близко родным, что дальнейшее сосуществование без него не имело значение. Казалось, вырвав цветок из груди, мир рухнет. Не Вселенная с мириадами звёзд в прохладном ночном небе, а она сама падет..

Она подняла глаза на него, выбор уже сделан. Не её руками. Не её волей. А самой природой магии, которая теперь текла по её венам, пульсируя глубоко в груди, отражая очертания орхидеи между ее грудями.

- Я не отдам его, - сказала она, прижимая ладонь к груди и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. - Если оно моё, оно останется во мне. Даже если оно сожжёт меня дотла.

Он склонил голову, будто оценивая её слова, и в его взгляде промелькнуло нечто, похожее на уважение.

- Тогда будь готова к тому, что тьма не отпустит тебя просто так, теперь мы связаны и мы заключили сделку. И эта связь крепче любой цепи. Стань той, кто пишет судьбу мира.

Анаис посмотрела на его руку, потом на жриц, застывших в немом молчании, потом на тень дракона, охраняющую её своим крылом.

Она сделала вдох, и впервые за эти дни воздух свободно прошёл в её лёгкие.

- Я выбираю тебя- прошептала она.

И взяла его руку. Тьма приняла её не как добычу, а как равную, и в тот миг, когда пальцы Анаис сомкнулись на его руке, Междумирье вздрогнуло, будто само пространство попыталось осмыслить, что только что произошло.

Пространство вокруг исказилось, колонны храма, ещё недавно твёрдые и вечные, стали прозрачными, словно выточенными из дневного воздуха. Сквозь них проступали силуэты иных миров, острые шпили городов, бесконечные мосты, где небо было цвета индиго, долины, затянутые серебряным туманом, и безжизненные пустоши, где звёзды падали, как камни. Каждый из этих миров тянулся к Анаис своими божественными руками, будто хотел оставить на ней свой след или воспоминание.

Её драконья кровь отозвалась на это притяжение в груди, вспыхнула острая вспышка, похожая на то, как раскрывается бутон под первым лучом солнца. Она почувствовала как разбивается девственная плоть лепестка. Только этот бутон был соткан из тьмы. Цветок между её грудями, пульсировал в такт её сердцу, и лепестки его стали почти прозрачными, открывая внутри крошечное, но ослепительно яркое ядро, сердце тьмы, которое уже не было просто цветком, а превратилось в живой узел силы.

Тени, до этого покорно стелившиеся у ног незнакомца, теперь закружились вокруг Анаис вихрем, не пытаясь поглотить, а словно присягая. Они шептали на древнем языке, который она не знала, но понимала каждой клеткой тела. Имена забытых богов, названия пропавших земель, клятвы, данные в мирах, давно стёртых из памяти Вселенной. И с каждым шёпотом в её сознании вспыхивали образы, она видела, как в одном мире рушатся горы от одного её шага, в другом, звёзды выстраиваются в узоры по её воле, а в третьем, сама ткань реальности рвётся там, где она просто задерживает дыхание.

Незнакомец, чья фигура теперь казалась сотканной из переплетённых нитей сумрака, слегка наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего не могла услышать Анаис.

- Ты думала, что выбираешь меня, + прошептал он, и его голос звучал теперь не как голос человека, а как гул далёких грозовых туч, нависающих над океаном. Но ты выбрала саму суть Междумирья. Оно не прощает слабости, но и не отвергает смелости. Теперь ты перекресток, в котором сходятся пути. И каждый мир будет пытаться перетянуть тебя на свою сторону.

Анаис хотела ответить, но слова застряли в горле, не от страха, а от внезапного понимания, её выбор не просто связал её с этим существом, он сделал её точкой равновесия. Если она поддастся тьме, миры рухнут в хаосе. Если попытается бежать к свету, тьма пожрёт её изнутри. Ей предстояло научиться балансировать на грани, где каждое решение отзывалось эхом в тысячах реальностей.

В этот момент храм, который ещё недавно был её единственным убежищем, начал рассыпаться на фрагменты, не разрушаясь, а распадаясь на отдельные моменты времени. Анаис видела, как в одной части зала жрицы всё ещё поют, застыв в середине фразы. В другой, каменные плиты уже покрыты мхом веков, а в третьей, от храма не осталось камня на камне. Это был не конец, а расслоение. Храм переставал быть просто местом, становясь перекрёстком.

Незнакомец протянул руку чуть дальше, приглашая её сделать шаг в самую густую часть мрака.

- Здесь нет дорог, которые ведут только вперёд, - сказал он. —Здесь каждый шаг, это прыжок между мирами. Ты готова?

Анаис глубоко вдохнула, чувствуя, как сердце тьмы внутри неё бьётся в унисон с ритмом Междумирья. Страх не исчез, но он больше не сковывал её, он стал топливом, разжигающим её решимость. Она крепче сжала его руку.

- Я готова, - произнесла она, и её голос прозвучал твёрдо, будто высеченный из камня, но в нём слышался и отзвук ветра, гуляющего по забытым землям. - Пока я помню, кто я, никакая тьма не сможет стереть меня.

И они шагнули вперёд - в ту часть, где не было ни дня, ни ночи, ни прошлого, ни будущего, только бесконечное «сейчас», полное возможностей и опасностей. Вслед за ними вихрь теней сплёл над их головами арку из мерцающих нитей, словно отмечая начало нового пути. Пути, который отныне принадлежал только ей и ему.

Глава 3. "Междумирье."

Глава 3. "Междумирье."

Междумирье, куда они шагнули, не было пустотой — оно было наполнено до краёв, только не светом и не воздухом, а самой сутью переходов.

Здесь не существовало горизонта, небо и земля от куда пришла Анаис сливались в единую текучую ткань, границы между «вверху» и «внизу» растворялись. По иссине - черному пространству блуждало множество солнц, они скользили словно огненные шары, объятые языками пламени, казалось если протянуть руку, то можно обжечься. Осколки чуждых миров, застывшие в гравитации. Разрушенные планеты водили хороводы. Всё вокруг пульсировало, будто бились чьи-то далёкие сердца, и от их пульсации по пространству пробегали лёгкие волны, заставляя реальность слегка качнуться.

Воздух здесь не дышал — он прислушивался. Он был густым, почти осязаемым, и в нём висели обрывки чужих времён: шёпот молитв, которые ещё не произнесли, и эхо криков, которые прозвучат через тысячелетия. Слова любви и клятвы, жертвы на алтаре, войны присягающие своей королеве. Анаис чувствовала это кожей, каждый такой отголосок оставлял на ней не неизгладимый след, словно невидимую татуировку выжженную из мгновений.

Под ногами не было твёрдой земли. То, по чему она ступала, напоминало пульсирующие тени, сплетённые в подобие дороги. Эта дорога не лежала ровно, она извивалась, то поднималась вверх без лестниц, то ныряла вниз без ступеней, будто сама выбирала направление. Иногда под ногами проступал прозрачный слой, сквозь который можно было увидеть другой мир: там, внизу, текла река из жидкого серебра, над которой кружили драконы. Чуть дальше проглядывала пустыня, но холодная, в полдень всходило солнце и озаряло всё светом, но не на долго, на пару часов. А потом все погружалось в темноту.

Вокруг тянулись бесконечные арки и порталы, но они не были высечены в камне, они рождались из неоткуда, словно вихри тьмы, принимая форму, когда кто-то смотрел на них. Каждый портал вёл не в конкретное место, а к возможности. Стать кем-то другим, научиться чему-то новому, забыть что-то важное или, наоборот, вспомнить то, что было стёрто. Иногда это был побег, как возможность затеряться в потерянных мирах. Тени, кружившиеся рядом с Анаис, теперь не казались хаотичными, они выстраивались в узоры, похожие на древние символы, и эти узоры мерцали, как холодный синий огонь.

Вдали, там, где взгляд терялся в серой дымке, возвышались очертания колоссальных структур, не зданий и не гор, а чего-то, что существовало сразу во множестве миров. Их формы менялись, если на них долго смотреть, то это были шпиль, пронзающие небо, то гигантские корни деревьев, уходящие в пустоту, то ряды колонн, между которыми скользили фигуры без лиц. То огромные птицы из металла. Это были целые Вселенные со своим миром устройством.

Сердце тьмы в груди Анаис пульсировало в такт этому месту, и с каждым ударом она всё яснее ощущала присутствие гигантской Звезды Мирель, той которой она в тайне молилась, когда она разливала на пространство малиновый туман, отсекая небо от земли словно лезвием.

Незнакомец шёл рядом, и его фигура теперь казалась не просто сотканной из ночи, а была вырезанной из самого отсутствия света. Он не указывал путь, он позволял Междумирью самому показывать дорогу, и Анаис начинала понимать: здесь нельзя идти напролом. Здесь нужно чувствовать, где реальность тоньше, где легче проскользнуть в другой мир, а где стоит остановиться и прислушаться, чтобы не разорвать ту самую нить, что держит равновесие.

И самое странное — в этом месте время не текло, а расходилось веером в круг. Анаис могла одновременно видеть, как впереди из тумана выплывает будущее, а позади, в дымке,

шепчут её прошлые шаги. Каждый миг здесь был перекрёстком, и каждый выбор рождал новые дороги.

Это был совершенно не известный ей мир, со своими городами, властью, подданными. И ей предстояло понять его принять его. Но было и чувство, что она знала его раньше, но по какой то причине забыла. Но больше всего её поражало, то что гигантская Звезда Мирель, в этом мире была ещё больше и свет исходящий от нее пульсацией бился чаще и глубже. Она могла протянуть руку и коснуться ее, вот так вот просто, словно сорвать с дерева плод. Оглядевшись по сторонам, Анаис начала замечать мелкие детали. Они стояли на парадном балконе, созерцая этот прекрасный мир со своим спутником и его тайнами. Там внизу, раскинулся город тысячами огнями в ночи. Там кипела своя жизнь, чуждая ей, но она была живой. Ей было и страшно и одиноко одновременно. Дворец в котором она оказалась, был прекрасен. Но он был чужим домом. Высечен словно из черного камня, отшлифованного до блеска мрамора. В здании, много уровней и каждый с множеством панорамных витражных окон, арок, переходов, мостов, словно лабиринты. И она не знала, где начало, а где конец, всей этой великолепной красоте. Воздух был холодным и колючим. И она начала замерзать. Ткань красного ритуального одеяния, покрывалась инеем и твердела. Еще немного и она превратится в сосульку. Но вот беда, Анаис даже не знала, что такое лёд. Она никогда не встречала его во влажных тропиках. Волосы и ресницы покрывало тонкой корочкой снега, от холода её тело сжималось, немело и горело.

Ее спутник посмотрел на неё, когда она пошатнулась. Иней на её одежде, стал тонким стеклом, а пальцы почти прозрачными.

- Ты не выдержишь ещё одного перехода в таком состоянии. - сказал он, в его голосе впервые проскользнуло, что то похожее на сдержанную тревогу. Он не повел её к своей семье и не хотел оставлять одну. Он сделал жест рукой, и одна из арок вспыхнула холодным неоновым рассеянным светом, превращаясь в проход. Они шагнули и оказались в покоях, где тьма не была враждебной, а стелилась мягким пушистым ковром. Стены здесь были не из камня, а из прозрачного света, который дышал и принимал любую мысль воплощаясь в форму от ауры ступившего на ковер в это пространство. Как только Анаис шагнула, на одной стене побежал бурный водопад, на другой стене раскинулись лианы переплетенные с корнями диких орхидей.

- Здесь холод не тронет тебя. - произнес он, и стоило этим словам прозвучать, как воздух стал мягче, а иней начал таить оставляя на полу мокрые следы, которые тут же впитывались и исчезали. Анаис хотела спросить, почему он не переступил порог, а остался стоять на другом пространстве, не пересекая невидимой границы. Но слова застряли в горле.

- Завтра ты встретишься с теми, кто управляет этим миром, - сказал он тихо. - Но сегодня ты просто девушка, которая едва не замёрзла на пороге вечности. Арка опустилась и он исчез.

Анаис осталась одна, и в тот же миг из складки её мокрой одежды выбрался Фаз. Эльф дрожал мелкой дрожью, и в его больших глазах плескался не просто страх, в них отражались все миры, которые он успел мельком увидеть, пока летел сквозь портал.

- Что ты здесь делаешь? Удивлённо спросила его Анаис.

Ты присвоила мой желанный цветок — пробубнил он, голос его звучал непривычно тихо, без враждебной нотки.

- Это теперь мой цветок, - в игривой усмешке, Анаис прищурила глаза.

- Ты украла его у меня и теперь мне должна.

- И, что мне с тобой делать? - Анаис хотела коснуться его, но пальцы всё ещё плохо слушались, холод успел пробраться под кожу, и даже здесь, где воздух уже стал мягче, внутри будто застыли тонкие ледяные нити. Она опустилась на пол, прислонившись спиной к стене,

и Фаэ тут же устроился рядом, тесно прижавшись к ней, делясь своим маленьким и хрупким, но живым теплом.

- Меня зовут Локорис, можно просто Локо - тихо вымолвил он.

- Меня Анаис, жирицы в детстве меня называли Найс....

Между ними вспыхнула искра, рождая доверие.

Стены покоев продолжали меняться, там, где только что струился водопад, теперь тянулась длинная галерея с колоннами, увитым ползущим плющом, а лианы с орхидеями переплелись в узор, напоминающий древний полукруг арки переходящий в аллею. Казалось, пространство прислушивалось к их дыханию и подстраивалось под него, стараясь стать уютнее, безопаснее.

Фаэ осторожно коснулся пальцами её щеки, стирая с кожи остатки инея.

— Ты знаешь, где мы? — спросил он, оглядываясь по сторонам с настороженным любопытством, каким эльфы обычно разглядывают незнакомые леса.

— Это не просто другой край земли. Это... будто сама ткань мира порвана, и мы сидим на краю дыры.

Анаис покачала головой, не в силах сразу подобрать слова. Она смотрела на свои ладони, где под кожей медленно разгоралось тусклое, ровное сияние, пульс Сердца Тьмы, который теперь звучал в унисон с этим местом.

— Мы в пространстве между мирами, — наконец прошептала она. — Там, где нет ни верха, ни низа, а время расходится веером. И тот, кто призвал меня сюда... он не просто мой спутник, он часть этого места.

Фаэ нахмурился, прислушиваясь не столько к её словам, сколько к тишине вокруг.

— Он не зашёл внутрь, — тихо заметил эльф, кивнув на порог, где ещё дрожал едва заметный контур арки. — Будто не мог переступить. Или не хотел. Как будто эти покои теперь твои, что-то вроде... убежища.

Анаис вздрогнула, осознавая правоту его слов. Она вспомнила сдержанную тревогу в голосе спутника, его жест, которым он открыл проход, и то, как он намеренно остался снаружи.

— Может быть, это место создано не для него, — сказала она, и в груди у неё шевельнулось странное чувство, не только страха, но и тихой благодарности. — Может, оно откликается только на... другое. На то, что во мне.

Она подняла взгляд и увидела, что на одной из стен, там, где раньше были лианы, теперь проступил тонкий узор, пересекающиеся линии, похожие на карту звёздного неба, но с незнакомыми созвездиями. В центре узора пульсировала крошечная точка, точно такая же, как Звезда Мирель, только миниатюрная, будто она отражалась в капле воды.

Фаэ проследил за её взглядом и тихо присвистнул.

— Это... похоже на след, — пробормотал он, наклоняясь ближе. — Как будто пространство показывает тебе, где ты должна быть или была раньше.

Анаис медленно поднялась, чувствуя, как силы понемногу возвращаются. Холод отступал, но память о нём осталась, в лёгкой дрожи, в том, как странно теперь ощущалось собственное тело, будто оно стало чуть тоньше, прозрачнее, и сквозь него можно было разглядеть отголоски других миров или пройти в иной мир.

Она подошла к стене и осторожно коснулась узора кончиками пальцев. Линии под её прикосновением вспыхнули мягким золотистым светом, а затем начали медленно двигаться, складываясь в новый рисунок, дорогу, которая петляла между мирами, обходя опасные места, отмеченные алыми точками.

В этот момент дверь, или то, что ею было, бесшумно распахнулась. На пороге стояла высокая женщина в шёлковом одеянии цвета кофе, туника спускалась с плеч до самых ног,

ступни босые, а волосы струились, словно черный дым, кожа была цвета темного меда собранного из пыльцы эвкалипта, глаза яркие как два осколка ночного неба. В руке она держала чашу, над которой клубился серебристый пар.

— Ты дрожишь, — сказала женщина, и голос её звучал так, будто слова рождались не в горле, а в самом воздухе. — Даже если холод больше не трогает тебя снаружи, он остаётся внутри, когда ты слишком близко подходишь к границам. Выпей это. Это не лекарство и не магия, это память тепла. То, что помнят камни в солнечных долинах твоего мира, и то, что шепчут корни деревьев земле под летним дождём.

Фаэ тут же встал перед Анаис, заслоняя её собой, но женщина лишь слегка улыбнулась, и эта улыбка была не насмешливой, а удивительно спокойной, будто она знала все страхи, какие только могут быть, и давно с ними примирилась.

— Не бойся, — сказала она, протягивая чашу. — Я не из тех, кто забирает. Я из тех, кто помогает удержаться на краю. Меня зовут Калла. Я присматриваю за теми, кто приходит сюда впервые и ещё не научился дышать.

Анаис посмотрела на Фаэ, и эльф едва заметно кивнул, словно говоря: «Доверься чутью. Но будь осторожна». Она взяла чашу, ощущая, как тепло от керамики медленно проникает в онемевшие пальцы, и сделала глоток. Вкус был странным, как у ветра с цветущих лугов, смешанного с солью моря, молоком и дымком костра. И в тот же миг по телу прокатилась волна, прогоняя последние остатки ледяного оцепенения.

Калла склонила голову, наблюдая за ней с лёгкой, почти материнской внимательностью.

— Завтра ты встретишься с теми, кто управляет этим миром, — сказала она, повторяя слова спутника Анаис, но в её устах они звучали не как приговор, а как предупреждение. — Но сегодня ты просто девушка, которая едва не замёрзла на пороге вечности. А ты Эльф, который не отпустил её одежды, когда она перешла портал.

Фаэ фыркнул, — Просто... не люблю, когда друзья пропадают в дырах между мирами.

Калла тихо рассмеялась, и этот смех был похож на перезвон далёких колокольчиков.

— В Междумирье, даже самое маленькое упрямство может стать якорем, — сказала она, намекая на то, какой он крошечный, но храбрый. — А теперь отдыхайте. Стены этих покоев знают, что вам нужно. Пусть они покажут вам сны, в которых ты вспомнишь то, что забыла.

Она сделала шаг назад, и арка снова сомкнулась, оставив их в мягком, текучем свете покоев. Фаэ зевнул, потянулся и устроился на полу, подложив руку под голову.

— Если эти стены умеют исполнять желания, — пробормотал он, — пусть они сделают так, чтобы завтра никто не пытался нас снова швырнуть сквозь сотню миров.

Анаис села рядом с ним, глядя, как на стене медленно проступает новый узор, на этот раз не карта и не созвездие, а очертания тропического леса, где листья шелестели под тёплым дождём, а воздух пах солью и цветами напоминая ей доме, о сестрах, о безмятежном детстве среди таких же как она жриц. Она растянулась на мягком ковре, свернулась калачиком и закрыла глаза, чувствуя, как Сердце Тьмы в груди бьётся ровнее и спокойнее, будто нашло свой ритм в этом странном месте. И впервые за долгое время ей показалось, что, возможно, она не совсем одна.

- Когда, это мы успели стать друзьями? - Не успев закончить последнюю гаснущую мысль в сознании, Анаис поддалась усталости и уснула.

Ночь накрыла их одеялом из бархатных лоскутов пропитанных запахом трав и далёкого моря. Анаис спала, и сны её были не простыми видениями, а странными переходами, беспокойными. То она скользила по узким тропам эльфийских лесов, где ветви шептали на забытом языке, то стояла на краю утёса, глядя, как звёзды падают в океан заставляя его вскипать. То она гуляла по побережью океана, и мягкие волны приносили к ее ногам красивые чудесные

ракушки. Она подносила их к уху и слушала отголоски тайн водных глубин. Заворожённая шепотом древних вод.

В одном из снов она видела себя маленькой девочкой в храме Света и Любви, её учили различать оттенки тишины, слышать, как растёт трава и как шепчутся камни. Жрицы водили её по тайным галереям, показывали священные узоры на стенах и говорили: «Когда придёт час, ты вспомнишь всё». И теперь, во сне, эти воспоминания возвращались не словами, а ощущениями, холодом камня под босыми ступнями, тяжестью ритуального венца, тихим звоном серебряных нитей, вплетённых в её волосы.

А потом сон изменился. Она оказалась в чудесной оранжерее, где росли дикие орхидеи. Этот сад не был похож на тропический лес, он был полон солнечного света, который проникал сквозь стекла витражей. Среди цветов мерцали крошечные блики, похожие на светлячков, но в их свете Анаис видела не просто искры, она видела мгновения: чей-то смех, тихий плач, обещание, данное на рассвете. Мужчина и женщина обнимают друг друга, их руки переплетаются в чувственном объятии. Он касается нежно ее лица, заправляет пряди её шоколадных волос за ухо, смотри в глубину ее глаз цвета - Морфа, бережно гладит по щеке и губами касается ее лба.

Сад будто затаил дыхание. Орхидеи, шептались, раскрывая лепестки бутонов медленно, как будто боялись спугнуть мгновение. Крошечные светлячки вспыхивали и гасли, вычерчивая в темноте линии, каждая из которых стремилась к одной точке,туда, где стояли они.

Мужчина и женщина были сплетены не просто телами, их свет и тень перетекали друг в друга, смешиваясь, рождая новый узор. Он касался её лица так бережно, будто боялся, что она растворится, и всё же в этом жесте была твёрдость, что без неё мир станет пустым. Его пальцы скользили по её виску, по линии челюсти, приподнимая подбородок и в этом движении было обещание: «Я найду тебя даже там, где нет имён».

Она смотрела ему в глаза и они были светло пепельного цвета, черные зрачки расширились словно пульсирующие звёзды, радужка вокруг зрачка была фиолетовой. Она смотрела в его глаза и удивлялась, среди людей она не встречала таких глаз, да он и не был человеком. Её руки легли ему на грудь, и под пальцами она чувствовала не просто биение сердца, а ритм, который совпадал с её собственным, как два прилива, наконец-то встретившиеся у одного берега. Его дыхание становилось сбивчивым и прерывистым и каждый выдох отзывался в ней волной тепла, поднимавшейся из самых глубин, сплетая внутри неё свет и тьму в тугой узел. В низу ее живота разливались целые океаны, готовые подняться с самого дна и выплеснуть свою страсть на берег и разбиться о скалы на мириды крошечных осколков переливающихся в солнечных лучах всеми цветами неба.

А потом он наклонился, но не к её губам, он коснулся уголка её рта, едва-едва, так, что это было скорее слово, чем поцелуй. И прошептал:

— Ты не просто присвоила моё сердце. Ты стала его ритмом. Без тебя оно не бьётся, оно просто стучит, бессмысленно и глухо.

Анаис хотела ответить, хотела сказать что-то, но слова рассыпались, словно песочные замки. Вместо этого она прижалась лбом к его плечу, и в этот миг сад вокруг них будто стал меньше, сжался до размера одного вдоха, одного прикосновения, одного обещания, которое они дали друг другу без слов.

И в центре этого сжатого мира, в самой его сердцевине, стоял он, тот, кто пришёл за ней и призвал во тьму. Его лицо и фигура всё ещё прятались в тенях, но тень его тянулась к ней,

сплетаясь с её светом, и в этом сплетении рождался новый узор, такой, какого ещё не было ни в одном из миров.

— Я не отпускаю, — прозвучало не вслух, а где-то внутри неё, как эхо его голоса, как клятва, прошитая сквозь ткань сна.

Но сон уже начинал таять, как туман под первыми лучами солнца, унося с собой тепло объятий и оставляя взамен лишь странное чувство: будто она прикоснулась к чему-то бесконечно важному, но так и не успела прочесть его до конца.

Сон уносил её дальше, в зал, где стены были из чёрного обсидиана, а по ним бежали волны света, отражавшие все оттенки тьмы. Там стояли фигуры в плащах ночи, лица которых она не могла разглядеть, но чувствовала их взгляды, тяжёлые, изучающие, будто они решали её судьбу. «Она — мост», — прозвучало в тишине зала. «Она может соединить то, что было разорвано». И Анаис вдруг поняла, что эти слова относятся не только к ней...

Сон растаял, оставив после себя странное чувство, будто она прикоснулась к тайне, но не успела её прочесть.

Утро пришло не с криком диких животных в джунглях, и не с лучом солнца, оно пришло с тихим шорохом, с лёгким и мягким прикосновением к плечу. Анаис открыла глаза и увидела перед собой Каллу. Женщина стояла рядом, держа в руках стопку одежды: льняное платье цвета слоновой кости, тёмно-синий плащ с серебряной вышивкой напоминавшей переплетение звёзд, и мягкие сапоги из тонкой светлой кожи.

— Пора вставать, — тихо сказала Калла, негромко, чтобы не напугать. — Междумирье не любит, когда кто-то слишком долго задерживается между сном и явью. Оно начинает тянуть за край, пытаясь увлечь за собой.

Фаэ уже сидел, прислонившись к стене, и тёр глаза, пытаясь прогнать остатки сна.

— Я не сплю, — буркнул он, хотя по зевку было ясно обратное. — Просто... анализирую обстановку.

Калла улыбнулась, на этот раз чуть шире, и в её улыбке мелькнуло что-то озорное.

— Конечно. Анализируй. А я пока помогу Анаис привести себя в порядок.

Анаис села, чувствуя, как мышцы отзываются лёгкой усталостью, но холод больше не сковывал её изнутри. Калла бережно расправила складки на платье и протянула его Анаис.

— Эта ткань помнит тепло солнечных долин, оно соткано из трав и цветов, что растут у подножия гор — сказала она, словно объясняя не просто про одежду, а про её силу. — Она не защитит твоё сердце от яростной молнии Вселенской любви, но поможет не замёрзнуть там, где холод проникает не в тело, а в душу.

Пока Анаис переодевалась, Калла достала из кармана небольшой гребень с резной ручкой, на нём были вырезаны крошечные звёзды. Она подошла к Анаис и начала осторожно расчёсывать её волосы, распутывая узлы. Движения её были неторопливыми, почти ритуальными, и в каждом жесте чувствовалась забота, лишённая навязчивости.

— Твои волосы хранят память о твоём пути, — негромко сказала Калла, проводя гребнем по прядям. — В них запутались искры чужих рассветов и тени чужих дорог. Я не стираю эту память, я лишь помогаю ей лечь ровнее, чтобы она не мешала тебе видеть дальше.

Фаэ наблюдал за этим молча, потом фыркнул, но в этом фырканье не было насмешки — скорее, смущение от чужой нежности.

— А мне гребень не полагается? — пробурчал он, стараясь выглядеть равнодушным.

Калла подняла бровь и достала из складок своего одеяния маленькую коробочку, украшенную золотыми цветами орхидеи, похожими на те, что росли в эльфийских лесах.

— Держи и помни, что ты не всегда был тенью на чужой дороге.

Фаэ взял коробочку, покрутил её в пальцах и открыл. Из неё всружилось медовое облако пыльцы орхидеи, он вдохнул, она защекотала ему нос и он чихнул, рассыпая пыльцу по всей комнате. Фаэ тут же взбодрился и окунулся в золотое облако. Сказать, что ему было приятно, означало ничего не сказать, он был в восторге.

Когда Калла закончила, она слегка коснулась плеча Анаис, лёгким, почти невесомым прикосновением.

— Сегодня ты встретишься с теми, кто управляет этим миром, — напомнила она по матерински, в её голосе не было угрозы, только спокойная готовность к тому, что должно случиться. — Но прежде чем ты войдёшь в их зал, тебе нужно вспомнить: ты не просто гостя здесь. Ты — та, кто заставил Междумирье вздрогнуть. И это что-то значит.

Анаис глубоко вздохнула, ощущая, как в груди ровно пульсирует Сердце Тьмы, и кивнула.

— Я готова, — сказала она, хотя внутри неё всё ещё дрожало от предчувствия чего-то пугающего.

Калла посмотрела на обоих, на девушку с глазами, в которых отражались миры, и на эльфа, который успел искупаться в пальце и сверкал словно солнце и улыбнулась.

— Тогда идём.

Глава 4. "Творцы."

Глава 4. "Творцы."

Коридор, в который они вышли, был сложен из белого - розового перламутрового камня, напоминавший сердцевину морской раковины. На стенах то и дело вспыхивали узоры, созвездия синего неба, силуэты птиц, летящих сквозь туман, алые рассветы и багровые закаты которые рассекали крылья летучих мышей. Каждый шаг отдавался не звуком, а ощущением, словно пол под ногами помнил всех, кто когда-либо здесь проходил.

Фаэ летел рядом и время от времени косился по сторонам, будто пытался угадать, где спрятана ловушка.

-Знаешь, мне кажется, что эти стены на меня смотрят, - пробормотал он.

Анаис едва заметно улыбнулась, и это была не весёлая улыбка, а скорее знак того, что страх можно держать под контролем, если не давать ему голоса.

-Наверное, они просто пытаются понять, как эльф умудрился пролезть сквозь дыру между мирами,- хмыкнула она.

- Фиф, - буркнул Локо, но в голосе его мелькнуло облегчение от того, что они снова говорят о пустяках, а не о судьбах миров.

Калла шла впереди, её шаги были почти бесшумны, но каждый из них будто ставил невидимую метку, прокладывая безопасный путь. В какой - то момент коридор распахнулся, и перед ними возник огромный зал. Здесь не было окон, но свет существовал сам по себе, словно белый холодный мрамор, он не падал сверху, а рождался из воздуха. Вдоль стен стояли колонны, увитые золотыми лозами, на которых вместо цветов мерцали крошечные созвездия. В центре зала, на возвышении, располагался полукруглый стол в форме полумесяца, а вокруг него расположились фигуры, каждая из которых была воплощением своей стихии, своей тайны.

Это была Его семья. Его мама и папа и другие представители.

Её спутник стоял чуть в стороне, не возле стола полумесяца, а у колонны, небрежно облокотившись на неё, сложив на груди руки, словно не хотел, чтобы его читали. Его лицо было непроницаемым, но в глазах читалась напряжённая готовность, словно он собирался в любой момент шагнуть между Анаис и пропастью.

Рядом с ним, словно отражение в воде, скрестив руки на груди, стояла девушка, очень сильно похожая на тень. Он увидел на лице Анаис замешательство и заговорил первым.

- Это Зармина, моя сестра - близнец, Сумерки.

Её взгляд был острым и в нём читалось раздражение, смешанное с любопытством.

-Ну вот, - процедила Зармина, чуть наклонив голову, - Ноктус притащил сюда смертную. И не просто смертную, а жрицу Света и Любви. Как будто нам тут мало раздоров и противоречий.

Ноктус не повернулся к ней, его голос звучал ровно, без оправданий и он продолжил представлять свою семью.

Он провёл ладонью по холодному камню колонны, оттолкнулся от нее и шагнул вперёд, слегка отодвинув Анаис за своё плечо, не чтобы спрятать, а чтобы дать ей опору, пока мир вокруг будет качаться от тяжести их имён.

В центре стола, на троне из переплетённых солнечных лучей, сидела его Мать. Её волосы струились, как жидкое золото, и в каждом локоне отражалось по восходу солнца. Платье соткано из самого дорогого шелка, в нём переливались оттенки янтаря, охры, расплавленной меди, а на груди висел кулон, капля застывшего солнца в бирюзовой оправе неба, заставлявшая кожу под ней дышать силой. Когда она подняла взгляд, в её глазах Анаис увидела не просто свет, а тысячи рассветов, каждый из которых помнил своё имя.

-Это моя мать, Царица Солнц, Люминара, - сказал Ноктус, и в его голосе прозвучала не покорность, а уважение, выкованное веками. - Она не просто правит светом. Она решает, какой рассвет достоин взойти, а какой, раствориться в памяти мира.

Рядом, в ярком свете, почти сливаясь с ней, стоял Отец. Его фигура была угловатой, как разлом в скале. Волосы растрёпаны вихрем, точно так же как у его сына. В руке он держал тонкий стержень из чёрного гематитового блестящего металла, каждый раз, когда он слегка поворачивал его, пространство вокруг едва заметно дрожало.

-Мой отец, Хаус, Хеймваль, архитектор пустот. Создатель творческого беспорядка.

У края стола уставленного свитками и рукописями, сидел ещё один член семьи. Он казался старше самого времени. Его мантия была тёмно - серой, почти черно - пепельной, а на воротнике мерцали крошечные символы, которые двигались, как живые рукописи. Он не поднял головы, когда они вошли, но Анаис почувствовала, как его внимание скользнуло по ней, проверяя каждую мысль, каждое воспоминание, и тут же отступило, не оставив следа.

-Это Магистр, Аксиом Велар, мой дедушка, он знает всё, - тихо пояснил Ноктус. - Не потому, что много изучал, а потому что помнит много. В его разуме хранятся все законы, договоры, пути, которые когда-либо были пройдены и ответы. И если ты спросишь его о чём-то, он ответит.

Рядом с его матерью у самого края стола, сидел ещё один представитель семьи. Он был невысоким, с руками покрытыми тонкими шрамами и ожогами, светящимися венами, будто в его жилах текла не кровь, а жидкое расплавленное золото. Перед ним на столе стояли десятки сосудов, в которых переливались жидкости всех оттенков, от глубокого фиолетового до прозрачного, как воздух. Он что-то бормотал себе под нос, время от времени добавляя в колбу щепотку пыли, соли или каплю росы, и каждый раз смесь реагировала, вспыхивала, темнела и начинала тихо звенеть. Он поднял голову, заметив их улыбнулся, не широкой, а почти незаметной улыбкой, в которой было больше любопытства, чем радости.

-А, Ноктус, - пробормотал он, не выпуская из рук пробирку. - Ты привёл свою спутницу. Интересно, очень интересно. Скажи, она пахнет как рассвет или как тень перед рассветом?

Ноктус, едва заметно смутился и нахмурился.

- Велмис, - спокойно сказал он. - Это Анаис. Анаис, это Велмис, мой дядя, алхимик, он управляет всеми формами магического искусства.

- Будь с ней осторожнее, Ноктус. Её запах, это запах мира, который ещё не решил, кем ей быть, - он склонил голову, будто ещё сам не принял решение как к ней относится. Он снова склонился над своими колбами, в его движениях появилась особая тщательность, как будто он собирался не просто смешать ингредиенты, а создать новый оттенок реальности.

Анаис стояла, за плечом Ноктуса, он чуть наклонился к ней и прошептал, - Не бойся. Они просто... присматриваются к тебе как к новому элементу в уравнении, которое решали тысячелетиями и не могли решить.

Царица Солнц медленно подняла руку, и свет в зале стал мягче, словно она убавила его яркость во всей вселенной.

-Ты пришла сюда не по приглашению, - произнесла она, и голос её звучал не как упрёк, а как констатация факта, - И ты пришла не случайно. Междумирье вздрогнуло, когда твои пальцы сомкнулись на руке моего сына. Скажи, ты понимала, что делаешь?

Анаис сделала шаг вперёд, чувствуя, как Сердце Тьмы в груди забилось сильнее. Она не опустила взгляда.

- Я понимала, - тихо, сказала она. - Что если я отвергну это сердце, оно останется одиноким. А одиночество в темноте, это крик, который никто не слышит.

Зармина фыркнула, в этом звуке была язвительность, - Как романтично, - пробормотала она и захлопала в ладоши, хлопki эхом разнеслись по залу.

Хаус чуть наклонил голову, и тень на его плаще шевельнулась, словно живая.

- Свет и тьма - не враги, - произнёс он низким голосом, в котором слышался шум далёких штормов и шёпот пустынь. - Они две стороны одного дыхания. Вопрос в том, сумеет ли она быть этим дыханием, или сломается под твоей тяжестью, Ноктус?

Магистр медленно закрыл свою книгу, и страницы растаяли в воздухе, оставив после себя тонкий аромат старых пергаментов и звёздной пыли.

- Она уже не та, кем была, - сказал он спокойно, глядя на Анаис так, словно видел не только её тело, но и все её прошлые и будущие шаги. - Я уже передал Вельмесу ДНК её волос, скоро мы узнаем, кто её создатель и что за элемент содержится в ней, от которого дрогнуло Междумирье. Оно признало её как часть себя. Это нельзя отменить.

Царица Солнц снова подняла руку, и на этот раз в её жесте было не требование, а приглашение.

- Подойди ближе, - сказала она, и в её голосе прозвучала, материнская строгость. - Мы должны увидеть, сможешь ли ты удержать равновесие.

Анаис глубоко вздохнула, чувствуя, как в груди пульсирует Сердце Тьмы, ещё сильнее отзываясь на свет, струящийся от Царицы, на презрение, исходящий от Зармины, на вихрь, кружащийся вокруг Хеймваля. Она сделала ещё один шаг, потом ещё, пока не оказалась в самом центре круга. Фаэ остался у края, но его взгляд не отрывался от неё, в нём читалась молчаливая поддержка, обещание, что если что-то пойдёт не так, он попытается её вытащить.

Зал взорвался не звуком, он взорвался смыслом тишины.

Трещина в пространстве разверзлась, как пасть древнего божества, и из неё хлынул не воздух, не пламя, а сама ткань противоречий, та, из которой ткut миры и из которой рвут их на части. Вихрь взвыл, и этот вой был не шумом, а голосами тысяч судеб, что когда-то шагнули в Междумирье и не вернулись, их поглотила бездна. Их шёпот вплетался в ветер, их боль становилась холодом, их надежда, ослепительными вспышками, которые тут же гасли.

Хаус поднял стержень, и пространство вокруг него качнулось и пошло рябью, будто реальность была водой, а он камнем, брошенным в самую глубину. Тень за его спиной взметнулась, превращаясь в крылатую бурю, и её крылья били по воздуху с глухим звуком, похожим на удары сердца великана.

- Держи равновесие, - прогремел он, и голос его раскатился по залу, заставляя колонны вибрировать. - Не стой на одной стороне. Не беги от другой. Будь тем, что между ними. Дыханием. Проводником. Если дрогнешь, тебя разорвёт.

Царица Солнц подняла руку, и свет в зале перестал быть мягким, он стал острым, ослепляюще ярким. Её глаза вспыхнули тысячами закатов, и в каждом из них Анаис видела свой возможный конец. В одном она сгорала в этом свете, в другом растворялась в темноте, в третьем рассыпалась на искры, так и не став ни тем, ни другим.

- Покажи нам, кто ты есть, - произнесла Царица, и каждое слово падало, как печать, запечатывая выход. - Не кем тебя учили быть. Не кем ты хотела стать. А кем ты была до того, как спустилась на землю и коснулась сердца Тьмы.

Зармина шагнула вперёд, и сумерки, клубившиеся вокруг неё, потянулись к Анаис, словно щупальцы, пробуя её на вкус.

- Если разобьёшься, - прошепела она, и её голос был колючим и холоднее льда, - мы не будем собирать твои осколки. Здесь не чинят разбитых.

Магистр не шевелился, но Анаис вдруг почувствовала, как его взгляд становится рыбаловной сетью, которая ловит каждое её колебание, каждую мысль, каждое желание бежать. Он не двигался, но знал всё, каждую секунду её жизни, каждый выбор, который привёл её сюда.

Велмис, склонился над своими колбами, и жидкости в них запульсировали в такт с её сердцем. Он тихо пробормотал:

— Интересно... очень интересно... Посмотрим, из чего ты создана.

Анаис стояла в центре круга, и пол под её ногами стал зеркалом не её лица, а её души. В нём отражались все мгновения, когда она выбирала свет, и все мгновения, когда тянулась к темноте. Сердце Тьмы в груди билось всё сильнее, и с каждым ударом оно будто пыталось вырваться на свободу, чтобы слиться с вихрем, стать частью этой бури.

Фаэ метнулся к краю круга, его крылья трепетали, а глаза были огромными от страха.

- Анаис! Пожалуйста! Обещай вернуться!!

Она обернулась к нему, и на мгновение мир будто замер, вихрь притих, свет стал мягче, даже тень Хауса замерла, прислушиваясь.

- Я должна, - тихо сказала она, - Потому что если я не смогу, всё это теряет смысл. Я стану пустотой, а он останется не услышанным.

С этими словами она шагнула в трещину.

Пространство схватило её, как хищник, резко, безжалостно, мгновенно.

Сначала её накрыло холодом, таким, что кости сковало от мороза, а дыхание превращалось в иней. Это была тьма Ноктуса, его тысячелетнее одиночество, его тишина, его боль, которую он прятал среди орхидей. Тьма шептала ей: «Останься. Здесь тихо. Здесь никто не предаст. Здесь никто не уйдёт, здесь никто».

Но следом пришёл свет, не ласковый, а обжигающий, выжигающий всё лишнее. Он кричал: «Ты не должна быть здесь! Ты - жрица! Ты принадлежишь рассвету! Отбрось тьму, пока она не поглотила тебя!»

Анаис оказалась в эпицентре между двумя бурями, и каждая из них хотела сделать её своей.

А потом пространство показало ей зеркала.

В одном она видела себя, чистую, светлую, в белых одеждах, с поднятыми к небу руками. В другом, чёрную, с глазами, полными бездны, и тьмой, стекающей с пальцев. В третьем, разбитую, с опущенной головой, потерявшую всё. В четвёртом, холодную, жестокую, принявшую тьму как оружие. Пятое зеркало разбилось вдребезги, не успев отобразить её новую форму, на сколько оно было уродливым и безобразным.

Каждое зеркало манило её, шептало: «Выбери меня. Выбери меня».

Анаис закрыла глаза. Ветер рвал её волосы, холод и жар боролись внутри неё, пытаясь разорвать на части. И в этот момент она вспомнила не молитвы, не клятвы, не законы храма, она вспомнила прикосновение руки Ноктуса, его взгляд, который впервые тогда ей подарил что-то похожее на надежду, когда она лежала на жертвенном алтаре и больше всего ей хотелось жить. Он подарил ей выбор.

Она прижала ладонь к груди, туда, где билось Сердце Тьмы, и прошептала:

- Ты не одинок. Потому что я здесь. И я не отпускаю. Ни тебя. Ни себя.

И в тот же миг зеркала рассыпались на тысячи мелких осколков, как стекло под ударом молота. Холод и жар столкнулись в её груди, но вместо того, чтобы разорвать её, они сплелись в единый поток, не белый, ни чёрный, а переливающийся всеми оттенками сумерек, рассвета и полуночи.

Вихрь взвыл в последний раз и стих, словно выдохнул. Трещина закрылась с глухим звуком, похожим на удар сердца целого мира.

Анаис упала на пол обессиленная, словно выжженная самим пеклом солнца пустыни и истерзанная ее песками, она открыла глаза, хотела что-то сказать, но не смогла.

На её коже мерцали тонкие фиолетовые линии, словно проступившие распухшие вены, как шрамы от молний, что не убили её, а посвятили. В её взгляде была слепота, ни света, ни тьмы, только разум который только что заглянул в бездну и чуть не сошел с ума. Кто-то позвал ее по имени, но она не ответила.

Царица Солнц медленно встала, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

- Ты удержала равновесие. Не силой. А сердцем.

Хаус опустил стержень на стол и тень у его ног улеглась, словно устав от бури.

- Достоинно, - пробормотал он, и в этом слове было больше признания, чем во всех похвалах мира.

Зармина фыркнула, в её взгляде по-прежнему читалась язвительность, смешанная с любопытством.

Ноктус шагнул к Анаис и тихо, так, чтобы слышала только она, произнёс:

— Теперь они знают, ты не случайность. Ты, часть этого мира.

Фаэ подлетел к ней, дрожа от облегчения, и уткнулся ей в плечо, будто хотел убедиться, что она настоящая.

- Ты вернулась, - прошептал он, и его голос дрожал. - Я думал, что потерял тебя.

Анаис улыбнулась, на этот раз по-настоящему, без напряжения, без попытки скрыть страх, - Я же обещала, что не потеряю себя.

Зал снова наполнился светом, но теперь он не казался холодным. Он был живым, тёплым, почти домашним. И впервые за всё время Анаис почувствовала, возможно, этот мир действительно готов её принять.

Магистр, Аксиом Велар, встал из за стола, медленно подошёл к Анаис, склонился рядом с ней на колени, взял её руку изучая фиолетовые линии на коже. Его взгляд скользил по ним, как по строкам забытого заклинания, и в тишине зала каждый его вдох звучал как приговор.

- Ткань реальности и прошлого переплелась с её сутью, - произнёс он, и слова его падали ровно, без эмоций, но от этой ровности становилось ещё страшнее. - Мы не можем просто «снять» это, как плащ, что надет на нее сейчас. Она стала частью узора заклатья.

Велмис, хмыкнул, не поднимая глаз от колб.

- Знаешь, магистр Аксиом Велар, - добавил он тихо, почти себе под нос, — любовь не любит, когда её стирают. Она упрямая, коварная и бесстрашная.

Велмис на мгновение замер, пальцы его всё ещё сжимали край стола, будто он цеплялся за привычную твёрдость камня, чтобы не провалиться в воспоминания. Он резко выдохнул, и пар от колб окутал его лицо, словно пытаясь спрятать то, что вдруг стало слишком явным.

- Вы спрашивали меня тогда, почему она ушла... - тихо произнёс он, и голос его, обычно острый, как лезвие, вдруг стал шершавым, будто каждое слово царапало горло. - Она бежала от холода, который мы сделали законом. - Он сделал паузу, и в зале стало так тихо, что можно было услышать, как где-то далеко капает вода, будто сама вечность отсчитывала секунды.

- Мы, те, кто правит этим миром, привыкли считать чувства помехой. Мы строили равновесие на отрешённости, на умении не чувствовать лишнего. И чем выше поднимались по спирали, тем холоднее становились наши сердца. Даже любовь мы пытались превратить в формулу, в расчёт, в уравнение, которое можно решить и забыть.

Велмис медленно поднял глаза, и в них мелькнуло что-то, похожее на стыд.

- Вселюбовь была другой. Она видела мир не через призму формул, а через призму света, который рождается в улыбке ребёнка, в шелесте травы, в первом вздохе рассвета. Она говорила, что любовь, это не слабость, а самая сильная магия, потому что она способна растопить даже самый прочный лёд. Но мы... мы смеялись над ней. И делали вид, что не слышим. Она пыталась достучаться до нас, - продолжал Велмис, уже не глядя ни на кого, будто говорил с тенями прошлого. - Сначала словами. Потом тишиной. А потом... потом она поняла, что мы не просто не слышим, мы не хотим слышать. Что для нас её любовь не существует, любовь шум, который мешает сосредоточиться на «важном».

Он горько усмехнулся.

- В тот день она не взяла с собой ничего необходимого, только склянку со средой с семенами орхидей, которые она выращивала в своей оранжерее. Ооо, как она любила эти цветы... Да старую шкатулку, где хранились письма, написанные ею в юности. Я встретил её в коридоре, ведущем к порталам. Она стояла у арки, и свет, падавший сквозь витражи, окрашивал её волосы в оттенки зари и аметиста. Как она была прекрасна в своем разочаровании...

- «Ты уходишь?» - спросил я. И знаешь, что она ответила? Не упрёком, не криком. Просто посмотрела на меня так, будто видела меня впервые, и в то же время будто прощалась со мной навсегда. Она ушла туда, где ее будут слышать. И прежде чем я успел сделать шаг, она шагнула в портал.

Велмис сжал кулаки, и на мгновение показалось, что даже воздух вокруг него стал тяжелее.

- Я думал, она вернется. Думал, это просто вспышка эмоций, каприз, который рассеется, как утренний туман. Но дни шли, а её не было. А потом начали появляться знаки, странные совпадения, необъяснимые сдвиги в потоках энергии, внезапные всплески магии там, где её быть не должно. И тогда я понял, она не просто ушла. Она оставила после себя эхо, эхо стало проклятьем.

- Проклятье? - переспросил Аксиом Велар, его голос звучал спокойно, но в глазах читался острый интерес.

- Да, - кивнул Велмис. - Но не в том смысле, который мы привыкли вкладывать в это слово. Для неё проклятье было последним криком, последней попыткой заставить нас почувствовать. Она знала, что мы никогда не поймём её словами. Поэтому она вплела свою боль в самую ткань реальности, в судьбу своего племянника Ноктуса и той, кто станет для него всем, Анаис. Она хотела, чтобы мы увидели, что происходит, когда сердце разрывается от любви. Хотела, чтобы мы наконец-то почувствовали хоть что-то.

Хаус хмыкнул, и тень за его спиной шевельнулась, будто тоже прислушивалась к этой истории.

- То есть она не хотела разрушать мир, - медленно произнёс он. - Она хотела разбудить его.

- Именно, - тихо подтвердил Велмис. - Она хотела, чтобы лёд треснул. Чтобы сквозь трещины пробился свет. И теперь... теперь мы стоим перед выбором: стереть этот узор, который она создала или признать её.

Царица Солнц нахмурилась, будто само упоминание о чувствах было для неё чем-то вроде сквозняка.

- Довольно лирики, - сказала она сухо. — Мы должны заглянуть не в её кровь и не в её память, - произнесла она. - А в тот миг, когда она впервые коснулась Сердца Тьмы. Именно там зародилось это переплетение.

Хаус хмыкнул, и тень за его спиной шевельнулась, словно недовольная.

- Красиво говоришь, - буркнул он. - Но если ты сейчас начнёшь тянуть её обратно в тот мир... она может не вернуться.

Фаэ метнулся к краю круга, где стояла Анас и в любую минуту был готов разорвать его. Анаис поёжилась, будто почувствовала, как пространство снова тянет к ней свои холодные пальцы.

Вельмир сделал знак, и магический круг вспыхнул не тенями, а светом, словно кто-то вывернул реальность наизнанку. Велмис щёлкнул пальцами, и склянки вокруг него закружились в медленном танце, будто подчиняясь невидимому ветру.

- Держи дыхание ровным, - пробормотал Вельмир. - Мы откроем дверь.

В тот миг, когда круг достиг пика свечения, Велмис вдруг замер. Его лицо исказилось, будто он увидел что-то, чего не должен был видеть.

- Проклятье... - прошептал он, и в этом слове не было ни сарказма, ни иронии, - Вселюбовь не просто прокляла племянника. Она связала их судьбы так, что если мы сейчас разорвём нить... мы можем стереть само их существование.

Зал будто затаил дыхание. Даже вихрь, казалось, замер, прислушиваясь.

- То есть, - медленно произнёс Хаус, и его голос звучал глухо, будто из глубины пещеры, - если мы снимем проклятие... Ноктус и Анаис никогда не вернутся?

Вельмир кивнул, лицо его оставалось бесстрастным, но в глазах мелькнуло нечто похожее на сожаление.

- Именно так.

Анаис посмотрела на Ноктуса. Он стоял неподвижно, но в его глазах читался вопрос, который он не решался задать.

- Значит, - тихо сказала Анаис, и её голос прозвучал неожиданно твёрдо, - мы не будем его снимать.

Зармина фыркнула, скрестив руки на груди.

- Конечно. Потому что кто мы такие, чтобы решать за судьбу миров? Пусть лучше тот или этот мир горит, лишь бы у кого-то была любовь.

Ноктус шагнул вперёд, будто хотел что-то сказать, но Вельмир опять остановил его лёгким движением руки.

- Постой, - произнёс магистр. - Есть ещё один вариант. Мы не будем разрывать нить. Но можем попытаться изменить её узор. Сделать так, чтобы проклятие не управляло ими, а стало частью их силы.

Велмис снова хмыкнул, но на этот раз в его усмешке мелькнула искра надежды.

Он наклонился над склянками, и на этот раз его движения были быстрыми, уверенными, будто он наконец-то нашёл свою стихию.

- Давай попробуем вплести в узор не разрушение, а признание, - сказал он, глядя на Анаис. - Пусть мир знает, да, это проклятие. Но оно больше не враг. Оно, часть истории.

Магистр кивнул, и круг вокруг Анаис вспыхнул новым светом, не белым и не чёрным, а тёплым, янтарным, словно закат, который не хочет уходить в сумрак.

- Держи равновесие, - снова произнёс Вельмир, но теперь в его голосе звучало не предупреждение, а поддержка. - Не дай страху стать твоим хозяином.

Анаис закрыла глаза и снова вспомнила тот миг, когда Ноктус подарил ей надежду. И на этот раз она не просто цеплялась за него, она позволила этому воспоминанию стать якорем, который удерживал её посреди бури.

Свет погас, на коже Анаис проступили не только фиолетовые линии. Теперь к ним добавились тонкие золотые, будто рассвет пробрался сквозь тьму и решил остаться. Молния вспыхнувшая внезапно в зале отразилась от колоны и рассекла сердце Анаис, там где, несколько дней назад проявился красивый узор орхидеи. Анаис упала, словно мертвая.

Велмис снова посмотрел на свои склянки и замер, когда жидкость в них начала отливать не просто янтарём, а густым малиновым светом, будто в неё капнули соком спелой ягоды, только эта ягода была сорвана на границе миров. Там где формы имеют физическую материю. Он будто прислушивался к чему-то, чего не слышали остальные.

- Ну, что ж, любовь победила, хотя я до последнего верил, что победит логика.

И воздух в зале дрогнул. Из центра круга, где ещё лежала Анаис и пульсировали золотые и фиолетовые линии, медленно поднялась полупрозрачная фигура. Не призрак, живая голограмма, сотканная из света памяти.

Это была Лираэлла, Вселенская любовь.

Она стояла не твёрдо, как человек, а будто балансировала на грани, её очертания то становились чёткими, то расплывались, растворяясь в воздухе, чтобы через мгновение собраться вновь. И в каждом её проявлении вспыхивал малиновый оттенок, то как отблеск заката на воде, то как тонкая нить, прошивающая тьму.

- Ты всё ещё здесь... - прошептал Велмис, и голос его звучал так, будто он боялся спугнуть этот миг.

Лираэлла чуть наклонила голову, и в её взгляде не было упрёка, только глубокая, почти невыносимая усталость и... нежность.

- Я не вернулась, Велмис, - произнесла она, и её слова звучали не из воздуха, а будто рождались прямо в сознании каждого, кто стоял в зале. - Я не могу вернуться. Но я могу напомнить, что я всё ещё существую. Что любовь не исчезает, даже если её пытаются стереть из формул и уравнений.

Зармина отступила на шаг назад, будто от жара, перед ней было не просто видение, а сила, которая не признавала границ.

- Это иллюзия? - резко спросила она, сжимая кулаки.

- Нет, - тихо ответил Аксиом Велар, не сводя глаз с фигуры. — Это эхо, которое обрело форму. Она вставила в ткани реальности не только узор, но и возможность быть увиденной, в нужные мгновения.

Лираэлла протянула руку к Анаис. Её пальцы не коснулись кожи, но в том месте, где они должны были соприкоснуться, воздух вспыхнул малиновым светом, и Анаис почувствовала на своих губах тот самый терпкий, чуть горьковатый вкус, как от спелой, перезревшей на солнце ягоды и открыла глаза.

- Ты приняла удар, - сказала Лираэлла, и её голос был похож на шёпот ветра, который знает все тайны мира. - Ты сильная, даже когда мир требовал от тебя стать камнем, ты осталась живой.

Анаис хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Она лишь кивнула, и в этом кивке было всё, благодарность, и боль, и принятие того, что теперь она, часть этого узора.

Велмис сжал край стола так, что побелели костяшки пальцев.

- Почему ты не сказала мне? — тихо спросил он, и в его голосе не было гнева, только старая, ничем не залечиваемая рана. - Почему ушла, не дав мне шанса понять?

Лираэлла улыбнулась, грустно, но без сожаления.

- Потому, что ты бы попытался всё исправить формулами, Велмис. Ты бы разобрал любовь на атомы и молекулы, чтобы убедиться, что она настоящая. А любовь нельзя доказать расчётами. Её можно только почувствовать. И когда ты перестал чувствовать, мне нечего было тебе дать.

Он опустил голову, будто под тяжестью этих слов.

- Но я чувствую сейчас, - прошептал он. - Каждый раз, когда вижу этот малиновый свет, я чувствую. Как будто кто-то осторожно касается моего сердца тёплой рукой и напоминает, ты ещё живой, ты всё такой же наивный и глупый мальчишка Велмис.

Лираэлла покачала головой, и её силуэт на мгновение стал почти прозрачным, будто реальность пыталась её стереть.

- Не ради тебя, - сказала она, и в её голосе прозвучала твёрдость, которой раньше не было. - Ради тех, кто ещё может научиться чувствовать. Ради Ноктуса, который ещё слишком юный и долго носил тьму как броню. Ради Анаис, которая готова была умереть, лишь бы не дать миру остыть. Ради всех, кто не забыл, что любовь, это не слабость, а самая упрямая сила во всех мирах.

Ноктус шагнул вперёд, не сводя с неё глаз.

- Если ты знала, что будет больно... зачем?

- Чтобы боль стала дорогой, - просто ответила Лираэлла. - Чтобы через неё вы нашли друг друга. И чтобы, когда тьма и свет встретятся, они не оттолкнулись, а поняли, они не враги. Это половина целого.

Царица Солнц нахмурилась, будто сама идея о «половинах» была для неё нелепой.

- Как красиво, - холодно произнесла она. - Но что нам делать с этим узором? Мы не можем оставить мир на милости чувств.

Лираэлла повернулась к ней, и её глаза вспыхнули тем самым малиновым светом, который бывает у неба за секунду до того, как солнце коснётся горизонта.

- Мир уже давно держится на милости чувств, - сказала она. - Вы просто забыли об этом. А теперь вам придётся вспомнить. Меня зовут Лираэлла, в моём имени сплетаются и шёпот ветра, и звон хрустальных струн, и отзвук далёких звёзд.

Все, кто видел её глазами разума, Лираэлла была женщиной в шелковом платье из переплетённых лепестков орхидей всех оттенков восходящего солнца и тонких нитей света, будто кто-то взял рассвет и сшил из него одеяние. Волосы её отливали оттенками зари, от тёплого янтаря до глубокого аметиста, и в них всегда прятался лёгкий аромат цветущих луговых трав. Но стоило присмотреться чуть глубже, за пределы её формы, и становилось ясно, она не просто женщина. Она была материей самой любви, принявшей человеческий облик, чтобы мир мог её услышать.

В образе материи Лираэлла существовала как текучая субстанция, похожая на расплавленный янтарь, пронизанный живыми нитями. Эти нити пульсировали, как вены, только вместо крови по ним бежали не химические соединения, а оттенки эмоций: тёплый медовый тон нежности, рубиново-алый всплеск страсти, прозрачный аквамарин доверия и мягкий пепельно-золотой оттенок тихой заботы. Вся эта материя не была плотной, она струилась, просачивалась сквозь щели в реальности, заполняла пустоты, где давно не звучало ни одного доброго слова, и там, где она задерживалась хотя бы на миг, трещины начинали затягиваться, а воздух становился мягче.

Иногда Лираэлла принимала форму огромного полупрозрачного полотна, сотканного из тысяч серебряных тончайших волокон. Каждое волокно было чьей-то надеждой, чьим-то «прости», чьим-то первым робким прикосновением. Полотно колыхалось, будто дышало, и стоило

коснуться его, даже мыслью, как оно отзывалось в груди, становилось теплее, а в памяти всплывали самые светлые моменты жизни.

А в моменты, когда холод мира становился невыносимым, Лираэлла становилась штормом из света. Это был не разрушительный ураган, а вихрь, который не ломал, а пробуждал, он касался застывших сердец, и лёд на них покрывался сетью тонких трещин, сквозь которые пробивалась та самая теплота..

Но была у этой материи и обратная сторона, когда её не слышали, когда её слова называли «шумом», а её чувства, слабостью, материя начинала вибрировать иначе. Из неё уходила плавность, и на её место приходила острая, звенящая напряжённость, как натянутая струна, готовая лопнуть. Именно в такие мгновения Лираэлла и вплетала в ткань мироздания свою последнюю попытку быть услышанной, не как крик, а как узор, который невозможно стереть, потому что он становился частью самой реальности.

Так и родилось то, что позже называли проклятьем, не зло, не месть, а отчаянная попытка оставить след. След, который говорил: «Я была здесь. Я любила. И если вы не можете ответить любовью, пусть хотя бы боль от моего ухода напомнит вам, что вы умеете чувствовать.

Велмис медленно поднял голову, и в его глазах стояли слёзы, которых он не стыдился.

- Она всё ещё там, - тихо произнёс он, глядя куда-то сквозь стены, сквозь миры.

Малиновый свет из склянок Велмиса вдруг перестал быть мягким, он рванулся вверх, как пламя, и ударил в купол зала, разрушив его на сотни трещин, которые расползались по нему, словно вскипали вены дракона. В каждой трещине мелькнул чужой мир, отразившись всеми цветами неба на мгновение, как вспышка. Ледяной лес, город из чёрного стекла, пустыня, где пески поют посмертно, бирюзовые океаны дарящие первозданный покой.

Анаис медленно поднялась, чувствуя, как по коже на запястье течет кровь, будто по ней вновь провели ритуальным клинком. Она вспомнила то мгновение, когда жрица Храма Тарисса рассекла ей руку, это не случайность, это не ошибка, это часть узора, который Лираэлла ткала задолго до её рождения.

- Это было предназначено, - прошептала Анаис, и все обернулись к ней.

Купол треснул, колонны в зале начали рушиться и падать. И огромная пасть зверя извергла бушующее пламя. Все замерли в оцепенении, это был дракон. Огромный черный дракон с рубиновыми крыльями и чешуёй переливающимися всеми оттенками красного.

Аксиом Велар, до этого стоявший неподвижно, вдруг заговорил:

- Она умирает, её узор в ткани мироздания растворяется. Смертное тело разрушается.

- Не умирает, а возвращается.- прошептала Лираэлла.

Дракон не смотрел ни на кого в зале, кроме Анаис для него ни кого не существовало. Его рубиновые глаза были прикованы к ней. Он знал её не по имени, не по истории, а по самой сути: она была его творением, его искрой, его ошибкой и его величайшей победой.

Он протянул лапу, склоняясь перед ней, не угрожая, а предлагая опору. Чешуя на нем переливалась, как расплавленный рубин, и казалось, что внутри неё пульсирует не кровь, а забытая нить из которой ткут ткань миров.

Анаис пошатнулась, не от страха, а от узнавания. Она вдруг поняла: пустоту, которую она чувствовала всё детство, когда родители от нее отказались, была не наказанием, а памятью о том, откуда она пришла. О том, кем она была до того, как стала человеком.

- Я готова, - сказала она, и даже её голос звучал иначе, будто в нём теперь слышался отзвук драконьего напева.

Вей Морис, Дракон из чей крови она была сотворена склонил голову, и его дыхание окутало её, как тёплый, густой туман, в котором исчезали раны. Он не похищал её, он возвращал её домой. Его когти бережно, почти нежно, обзаатили её.

Вей Морис взмахнул крыльями, и зал наполнился ветром, который пах не дымом, а песком, солью и далёким океаном. Он поднимался вверх, унося Анаис в разлом, и когда они исчезли в переливах света, в зале на мгновение стало тихо - так тихо, что слышно было, как бьются сердца.

И где-то далеко, за пределами миров, когда Анаис открыла глаза и увидела не потолок зала, а небо, сотканное из звёзд, которые пели. И рядом с ней сидел Вей Морис, её дракон, спокойный, и смотрел на неё так, как смотрит создатель на своё любимое творение: с гордостью, с печалью и с бесконечной любовью.

- Теперь ты знаешь, кто ты, - пророкотал Дракон голосом, похожим на раскат грома и на шёпот ветра одновременно. - Ты искра пламени моего дыхания. И пока я дышу, ты не исчезнешь. Даже если весь мир забудет тебя, я буду помнить. И замурчал,словно прибой океана.

Глава 5 "Пробуждение."

Глава 5. "Пробуждение."

Анаис бежала вдоль белоснежного берега, и солёные брызги оседали на её коже, словно крошечные осколки воспоминаний. Ветер рвал платье, нежно обнимая ее кожу, она не чувствовала больше холода, напротив, в груди разгорался жар, будто кровь вдруг стала раскаленной лавой и стремительно разливалась по всему телу, проникая в самые потаённые уголки её души, касаясь самого сердца.

Дракон летел за ней, он парил над океаном, огромный, как грозовая туча, размахивая широкими крыльями, его чешуя отливала всеми оттенками сумерек: от тёмно - фиолетового до цвета угасающей зари. Каждый взмах крыльев рождал новую волну, которая катилась к берегу, не разбиваясь, а словно поклоняясь ногам Анаис. Её смех растекался по водам океана на тысячи километров вперёд, а радость создавала во вселенной вибрации эха, словно мелодия, что рождается из состояния любви и растекается потоком, заполняя все пространства.

Она резко остановилась и песок под ногами стал не белым, а прозрачным, сквозь него просвечивали древние кристаллы из недров земли Царства драконов. Подземные города были выложенные из перламутра, сапфиров, изумрудов, топазов, они пульсировали, будто в глубине билось сердце океана.

- Я умерла? - спросила Анаис..

- Ты не умерла, - прозвучал голос дракона, не из воздуха, а в её голове, в глубине самого сердца, глубокий и спокойный, как прилив в безлунную ночь. - Ты просто вспомнила, кем была до того, как стала человеком.

Анаис медленно обернулась. Дракон опустился на берег, земля под ним не дрогнула, она будто приняла его как часть себя.

- Я... я была каплей, - трепетно выдохнула она, глядя в даль океана, первородность манила, она помнила его как один из самых первых творений вод. - Но как я могу быть больше, чем капля?

- А как океан может быть больше, чем Вселенная? - он склонил голову и в его рубиновых глазах отразились все моря и все океаны. - Ты, не просто часть стихии. Ты, её память.

Он выставил лапу вперед и между когтями вспыхнул свет, похожий на отблеск луны в ночном небе, лунная серебристая дорожка манила пройти по ней, сумерки сгущались и темнота медленно растекалась по побережью.

- Идём. Там, где рождаются миры, тебе предстоит вспомнить не только прошлое, но и то, что ты должна сотворить.

Анаис сделала шаг вперёд, и песок под её ногами перестал быть песком, он превратился в дорожку из серебра ведущую прямо в распахнутую пасть красивого города, за которой уже виднелись очертания незнакомого мира: острые пики гор, застывшие волны океана в форме арок и небо в котором звёзды не мерцали, а пели. Они приближались к городу, в котором строения были самими драконами, напоминающие фрески в храме, где её вырастили жрицы. Бесконечное количество водопадов, переливающиеся друг в друга из множества фонтанов, мосты, сиреневые туманы и много парящих драконов в фиолетовом сумеречном небе. Творцы, мир в котором она обретала абсолютную радость.

Мир драконов, это не просто иная земля, это живая стихия, где сама материя дышит и помнит. Он соткан из противоречий. Здесь нет привычных границ между небом и морем, камнем и ветром, всё перетекает друг в друга, как в древнем заклинании, которое произносят не губами, а сердцем. Горы здесь не просто скалы, а окаменевшие волны, поднявшиеся из глубин океана миллионы лет назад. Их пики острые, как драконьи когти, и покрыты тонким слоем

перламутровой пыли, которая светится в темноте. Между хребтами тянутся долины, где вместо травы растут кристаллы, прозрачные, как слёзы, и цветные, будто хрустальные осколки закатов отражающие свет в сумерках. Они не просто лежат в земле, они пульсируют в такт дыханию планет и светятся всеми цветами неба, отзываясь на каждый взмах драконьего крыла.

Океан в этом мире, живая память. Его волны не разбиваются о берег, а склоняются перед ним, словно в почтительном поклоне. Вода здесь меняет цвет в зависимости от времени суток и настроения обитателей этого мира. Утром она нежно-бирюзовая, днём, глубоко-синяя, а ночью переливается всеми оттенками фиолетового и изумрудного, будто в ней растворили свет далёких забытых планет.

Города драконов не построены, они вырастают, как кораллы, из самой земли. Их стены сложены из перламутра, самоцветов и полупрозрачного камня, который пропускает свет, создавая внутри зданий мягкое, мерцающее свечение. Дома напоминают гигантские раковины или застывшие всплески воды, округлые формы, плавные линии, арки, похожие на дуги волн.

Но самое удивительное, это здания, которые сами являются драконами. Огромные окаменевшие меловые фигуры, застывшие в полёте или в позе покоя, служат храмами, дворцами, библиотеками. Их чешуя, это мозаика из драгоценных камней, а глаза, огромные солнца, которые днём отражают небо, а ночью загораются внутренним лунным светом. В этих «живых» зданиях время течёт иначе, можно войти в зал, где дракон изогнул шею дугой, и выйти через час, а снаружи пройдёт день, или наоборот.

Небо в мире драконов не просто фон, оно поёт. Звёзды здесь не мерцают, а издают тихие, едва уловимые звуки: низкие, глубокие ноты, напоминающие рокот далёкого грома, и высокие, хрустальные переливы, похожие на звон ветра в ледяных пещерах. Эти звуки складываются в бесконечную мелодию, которая меняется в зависимости от положения планет и настроения Творцов.

Облака в этом небе не вата, а тонкие слои тумана цвета лаванды, сирени и аметиста. Они не плывут, а танцуют, образуя узоры, которые меняются каждую минуту. Иногда из этих узоров складываются лица, символы или целые истории, если знать, как их читать.

Драконы здесь, не только могучие существа, но и хранители памяти миров. Они помнят каждое мгновение, когда капля дождя касалась земли, каждый вздох ветра, каждый крик чайки над океаном. Их память, это не воспоминания, а живые потоки энергии, которые они могут передавать друг другу и даже делиться с теми, кто достоин.

Они живут не в гнёздах, а в местах силы, там, где сходятся потоки стихий. У подножия гор, где сталкиваются ветры, на вершинах скал, куда первыми падают лучи рассвета, в глубинах океана, где свет почти не проникает. Их дома, это не стены и крыши, а границы, которые они сами создают своим присутствием.

Общаются они не словами, а образами, эмоциями или музыкой. Их голоса звучат не в ушах, а в груди, отзываясь в сердце. Они могут передавать целые истории одним взглядом или взмахом крыла, а их песни способны менять погоду, пробуждать кристаллы и даже создавать новые острова посреди океана.

В мире драконов магия, это не заклинания и не зелья, а умение слышать и помнить. Самые сильные чары рождаются из воспоминаний. Дракон может вызвать шторм, вспомнив самый яростный ураган, или исцелить рану, вернувшись к моменту, когда эта часть тела была здорова.

Ритуалы здесь, это танцы стихий.

Под землёй, под слоями песка и кристаллов, скрыты древние города, выложенные из самоцветов. Это не просто жилища, а хранилища знаний: каждый камень здесь, это страница книги, каждый узор, целая история. В этих городах время течёт медленнее, а звуки становятся

глубже. Здесь живут старейшие драконы, которые помнят рождение миров и могут рассказать о том, как всё начиналось.

Этот мир, не место, куда попадают случайно. Он открывается только тем, кто готов вспомнить себя, услышать шёпот стихий и принять свою роль в великой песне Творцов. Для Анаис это не просто новое пространство, это возвращение домой, к той части себя, которую она не могла познать среди людей.

Они пересекли мост, что был посреди водопадов, вошли в хранилище книг, словно в пасть самого зверя. Пещера была просторной и светлой из солевых отложений океана, здесь чувствовался запах свежести, он бродил и дарил одновременно умиротворение, разливаясь негой по всему телу.

- Где мы? - спросила Анаис своего Дракона

- Мы дома.

Анаис оглянулась вокруг, здесь было огромное количество разноцветных драконов, от маленьких, до больших, каждый был занят своим делом. Но в основном они изучали рукописи, писали что в книгах, рисовали, это был мир Творцов, где каждый творил по своему образу.

- Я найду тебя позже, - про мурчал по драконьи Вай Морис, и растворился.

Анаис бродила по дворцам и пещерам разглядывая скульптуры, они были созданы из солёных пород кристаллов, полупрозрачные со внутренним свечением. Каждый такой дракон был произведением искусства, самым воплощением божества, совершенством. Очарованная красотой города, и множеством водопадов, она вновь побрела к океану. Спокойная гладь воды, окутывала воспоминаниями об острове Таху. Она ещё чувствовала кожей, тепло ее родного острова. Закрыв глаза, тут же песок под ногами стал не белым, а жёлтым. Она присела у кромки воды и провела рукой, набирая в руку горсть мокрого песка. Песок заструился создавая подобие замка, вершины песочных гор росли одна за одной, пока не выстроился целый песочный город. Наступила ночь, тихая, глубокая и накрыла берег плотным бархатным чернильным покрывалом, звёзды рассыпались по небу, будто осколки разбитого зеркала и замерцали отражаясь от воды. Из темноты, ступая по песку, вдоль кромки берега возник Ноктус. Его силуэт был чётким и в то же время зыбким, будто реальность не решалась до конца проявиться. Плащ струился вокруг него тенью, как дым, а глаза горели жадным огнём, в них плескалась обида, острая, как лезвие, и страсть холодная, как расплавленное серебро.

Анаис замерла. Горсть песка просочилась сквозь её пальцы, рассыпавшись золотой пылью. Она хотела вскочить, хотела броситься к нему, но так и осталась сидеть на песке..

- Ты ушла, - произнёс он тихо, и в этом шёпоте прозвучала вся тяжесть молчания, что пролегла между ними за эти несколько дней. Голос его был низким, бархатным и глубоким, - Не сказала ни слова. Просто исчезла, будто меня никогда не существовало, - с упрёком выдохнул он.

Анаис вжала пальцы во влажный песок.

- Я не могла... - прошептала она, поднимаясь с колен и голос её дрогнул. - Там всё решалось в одно мгновение, каждый миг грозил обернуться драммой, и если бы я потянула тебя за собой...

Ноктус шагнул ближе, и тень от его плаща накрыла её, как крыло. Он не протянул руку, не коснулся её, и в этом отказе от прикосновения была особенная боль.

- Не тебе решать, что для меня драма, - сказал он жёстко, но в глазах уже не было холода. Там разгоралось пламя, которое он тщетно пытался удержать. - Ты забрала с собой половину моего дыхания, Анаис. И оставила мне тишину, которая режет больнее любого клинка.

Она подняла на него глаза, и в этот миг весь мир сузился до расстояния между ними, до тонкой, почти невидимой нити, натянутой до предела.

- Прости, - выдохнула она, и это слово было тяжелее любого признания. - Я думала, что так будет лучше... для нас обоих.

Ноктус склонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что пряталось за ними. И вдруг, резко, порывисто, шагнул вперёд и схватил её за запястье, не грубо, но крепко, так, чтобы она не смогла ускользнуть снова.

- Лучше? - переспросил он, и в голосе его зазвенела сталь, прорвавшаяся сквозь обиду. - Лучше, это когда ты рядом. Когда я вижу, как дрожат твои ресницы, когда слышу, как ты дышишь. А не когда я каждую ночь ищу твой след в тенях и нахожу только пустоту.

Анаис не пыталась вырваться. Вместо этого она подняла свободную руку и коснулась его лица, кончиками пальцев скользнув по его отточенному подбородку с очаровательной ямочкой, по холодной коже, по резкой линии скулы, по напряжённой челюсти.

- Я здесь, - прошептала она, - Сейчас я здесь.

Он закрыл глаза, будто пытаясь удержать этот миг, запечатать его в памяти навсегда. А потом притянул её к себе, так сильно, что она почувствовала, как бешено бьётся его сердце, как будто оно хотело прорваться сквозь броню.

Вокруг них ночь дышала солёным ветром, он шептал что-то древнее и вечное, а волны поклонялись им, словно стирая границы между мирами. И в этом объятии, в этой встрече, где обида сплеталась со страстью, Анаис почувствовала, как что-то в глубине её сердца отозвалось на эту близость. Он был таким притягательным и одновременно ранимым, с глазами серебристо-пепельного цвета. Чёрные зрачки пульсирующие от страсти окаймляла фиолетовая радужка. Его дыхание было близким и опасным, он пах глубиной холодного солёного океана. Она коснулась пальцами его губ, обвела их линию и в этом лёгком, почти робком движении таилась вся её нежность.

Ноктус замер, будто боялся спугнуть этот миг, словно одно резкое движение могло развеять её, как утренний туман над океаном. Его дыхание на мгновение остановилось, а потом рванулось вперёд, неровное, горячее, полное той самой страсти, что столько ночей сжигала его изнутри. Он накрыл её руку своей, не для того, чтобы удержать, а чтобы почувствовать. Да, она настоящая, тёплая, живая, не видение, не эхо между мирами.

- Не надо, - прошептал он, и в этом «не надо» не было запрета, а была мольба, - не исчезай снова, не касайся меня так, будто мы прощаемся навсегда.

Анаис чуть склонила голову, и в её взгляде мелькнуло смущение, будто она вдруг осознала, как много отдала этим прикосновением. Но следом за смущением пришла тихая надежда, он не оттолкнул. Он прижал её руку к своим губам, коснулся её пальцев едва уловимым поцелуем, так, словно целовал не кожу, а саму её душу.

- Я боялась, - призналась она, голос дрожал, но она не прятала этого дрожания, не пыталась сделать себя твёрже. - Боялась, что, если потяну тебя за собой, этот мир поглотит нас обоих.

Он притянул её к себе ещё ближе, и теперь между ними не осталось даже вдоха. Его глаза впились в неё, будто пытались прочесть каждую мысль.

- Пусть поглощает, - выдохнул он, и голос его звучал как раскат грома вдалеке, низкий, обещающий бурю. - Пусть проклинает. Пусть душит. Но только пусть это будет "вместе". Ты не имеешь права решать за меня, Анаис. Не имеешь права забирать у меня право выбирать.

Она подняла на него глаза. Пальцы её скользнули по его щеке, по жёсткой линии челюсти, и она прижалась лбом к его плечу доверяя, словно самой себе. Его руки сомкнулись вокруг неё крепко, до лёгкого, сладкого напряжения в груди, она подняла лицо ему на встречу и он коснулся губами её губ. Сначала едва уловимо словно ветер, потом дерзко и даже грубо, раскрывая языком её губы, проникая в рот полностью и без ограничений. Она вплела свои руки в его волосы и растворилась в нём, отдаваясь этому страстному первобытному поцелую. В

нём не было робости, в нём было порочное желание слиться, раствориться. Он прижимал её к себе сильнее и в этом объятии было, "я не отпущу, уже не отпущу, ты моя" ..он подхватил ее на руки и закружил словно вихрь, остановившись, бережно положил на песок, склонился над ней, над ее дрожащим телом, над её раскрытыми от желания губами и волна накрыла их с головой, окатив страстью и медленно отступила, словно проверяя, что не смыла два юных сердца, что переплетались между собой создавая новый узор во Вселенной. И Анаис рассыпалась на миллионы крошечных капель, ее разбросало по небу, от охвативших эмоций и она снова поцеловала Ноктуса, со страстью стихии. Она гладила его волосы, его плечи, его руки и от каждого прикосновения к нему пламя внутри разгоралось ещё сильнее. Она не хотела думать, не сегодня, она хотела раствориться в нём навсегда.

Ветер задрал подол её платья, швырнул в лицо солёные брызги, и они смешались с её дыханием, с его шёпотом, с тем трепетом, от которого по коже бежали мурашки. Океан шептал что-то на древнем, будто благословлял эту встречу, эту близость, где обида таяла в жаре их горячих тел, а надежда прорастала сквозь страх.

Рассвет пришел незаметно, он трепал нежно Анаис за волосы, щекотал её кожу, теплым дыханием скользил по телу, она приоткрыла глаза, оглянулась по сторонам. Ноктуса нигде не было.- Неужели это был сон? - она прижала пальцы к губам, в надежде найти на них следы от поцелуев...Она закрыла глаза, села, обняла свои ноги, лицом уткнулась в колени и тихо заплакала...

- Я ... даже не успела, тебе о самом главном сказать...

И грозовая туча, ударила раскатом молнии в небе и пролилась дождём на мир Драконов. Ливень стоял стеной, и не видно было ни рассвета, ни птиц...лишь песнь дождя вторила звукам её сердца...

Ноктус стоял на парадном балконе, и ветер, привыкший к этим высотам, рвал полы его плаща, будто пытался унести с собой хоть каплю его тревоги. Каменные черные перила были холодными, почти ледяными, но он не замечал холода, внутри всё горело, будто в груди тлел уголёк, который разгорался с каждым порывом ветра всё сильнее.

Велмис стоял рядом со своим племянником, вглядываясь вдаль, с глазами, привыкшими видеть суть вещей сквозь дым и пар кипящих алхимических составов, говорил тихо, размеренно, будто каждое слово стоило ему усилий, - Возможно, сейчас на земле рождается маленькая девочка. Её аура схожа с той, что мы фиксировали у Анаис... Это может быть знак. Перерождение. Новый цикл.

Ноктус не смотрел на него. Он смотрел вдаль, туда, где пространство смыкалось с горизонтами, и линия эта была трещиной, сквозь которую Дракон унёс Анаис.

- Она не рождалась заново, - прошептал он, и голос его прозвучал отрешённо. - Её свет здесь. В моей груди. Я чувствую его. Он не угас, и он зовёт.

Магистр Аксиом Веллар чуть склонил голову, изучая Ноктуса, как изучают редкое явление, не столько с любопытством, сколько с осторожностью. - Чувства обманчивы, мой юный друг, когда речь идёт о межмировых переходах. Искажения, эхо, остаточные вибрации... Они могут имитировать связь,- попытался донести до него магистр.

Ноктус наконец повернулся к ним, и в его взгляде было столько уверенности, что Велмис невольно отступил на полшага.

- Это не эхо. Это, пульс. Если бы она умерла, этот свет погас бы, рукой показывая на едва уловимое свечение в своей груди. Если бы родилась заново, он бы погас и вновь загорелся бы чужим и новым светом. А он тот же, - с отчаянием выдохнув, он снова отвернулся к горизонтам, сжав кулаки так, что побелели костяшки. Внутри него этот свет не просто звал, он тянул, будто невидимая нить, туго натянутая между мирами, словно тетива лука, она впивалась в самое сердце и не давала дышать спокойно. Натянутая до предела и в любой момент была готовая разорваться.

- Значит, она жива, - почти тихо, прошептал Ноктус, - И она там, в мире драконов. А я здесь. Но это ненадолго.

Аксиом Веллар хотел возразить, сказать что-то про законы равновесия, про то, что один мир не может просто так вторгнуться в другой, про цену, которую придётся заплатить. Но потом понял, спорить с этим упрямством, с этой уверенностью, с чувствами, всё равно что пытаться остановить стихию голыми руками.

Ноктус провёл ладонью по груди, глубоко вздохнул, будто пытаясь унять этот внутренний жар, но не стал его гасить. Наоборот, он позволил ему разгореться, принять форму решимости.

- Найдите мне всё, что есть о мире драконов, - сказал он, не оборачиваясь. - Все легенды, все обрывки знаний, все запрещённые трактаты. Даже те, что считаются выдумкой. Если есть хоть одна нить, способная связать наши миры, я пройду по ней.

Ветер снова рванул его плащ, и на мгновение Ноктусу показалось, что он слышит далёкий отзвук голоса Анаис, не слова, а весёлый смех, и это заставило его сердце биться ещё быстрее. Он закрыл глаза и на секунду задержал дыхание, чтобы не потерять это мгновение.

Свет в его груди пульсировал, звал, и Ноктус знал, он последует за ним, куда бы тот ни вёл. Даже если придётся разрушить стены между мирами.

Творцы не стали тратить время на пустые возражения. Перед ними стоял не просто одержимый чувствами юноша, а тот, кто готов перекроить законы мироздания ради одного-единственного света в груди.

Аксиом Веллар щёлкнул пальцами, он не стал спускаться с балкона не по парадной лестнице, не по узкой винтовой, что вела в самые недра башни, а сотворил переход туда, где воздух был густым от пыли вековых знаний.

Велмис остановился у массивного портала из чёрного камня, испещрённого символами, которые пульсировали тусклым янтарным светом. Он приложил ладонь к центру двери, и символы вспыхнули ярче, отзываясь на его кровь, на его титул, на его право знать то, что другим знать не положено.

Скрипнули петли, засов замка вздохнул, и перед ним распахнулся полумрак, рассечённый лишь редкими огоньками магических светильников - мотыльков. Полки уходили ввысь и в даль, теряясь в полумраке, и каждый том здесь был не просто книгой, он был капсулой памяти, ловушкой для истины и ума, порой ядом.

Они двигались вдоль рядов, и каждый касался руками корешков, прислушиваясь не к словам, а к эху, которое они хранили. Некоторые книги вздрагивали под их пальцами, будто живые, другие тянули холод, третьи отдавали жар.

Первым магистр Аксиом Веллар вытащил фолиант в переплёте из чешуи неизвестного существа, по легенде, это была чешуя дракона, погибшего при сотворении одного из миров. Переплет был тяжёлым словно железо, как только его коснулись, он с лязгом металла раскрылся и издал свечение. Страницы зашелестели, как крылья ночных летучих мышей, и на них заплясали строки, написанные не чернилами, а кровью магических существ и лунным светом.

Аксиом быстро пробежал глазами по строкам, выискивая упоминания о «переходах», «воротах», «свете в груди» и о том, что могло бы укрепить связь Ноктуса и Анаис.

Велмису в руки упал свиток, запечатанный воском с печатью давно забытого ордена. Воск треснул под прикосновением алхимика, и из свитка вырвался пепел, лёгкий запах гари и морской соли, запах, который всегда сопровождал упоминания о драконах. Пепел осыпался на текст, словно распечатывая его, он был на древнем наречии, наполовину стёртом временем, но Велмис знал этот язык, как собственное имя. Он бормотал себе под нос, переводя, отмечая каждую строчку, которая могла пригодиться. В углу, за тяжёлой лиловой бархатной портьерой, скрывался тайный отсек, место для самых опасных знаний. Там хранились трактаты, запрещённые к прочтению под страхом утраты разума. Велмис не колебался. Он достал потрёпанный том с обложкой из тёмного дерева, на которой были вырезаны созвездия, не существующие ни в одном из известных миров. Внутри зарисовки магических символов, описания ритуалов, способных открыть врата между мирами. Некоторые страницы были пусты, но стоило поднести к ним кристалл-резонатор, как на них проступали слова, написанные невидимыми чернилами.

Ноктус стоял в стороне у витражного окна, в своей привычной позе, сложив на груди руки. Он наблюдал как быстро, без суеты, они изучают одну книгу за другой, раскладывая находки на каменном столе, сопоставляя легенды и совпадения.

Велмис почти не дышал, когда нашёл то, что искал: короткую строчку в примечании к одному из запрещённых трактатов, упоминание о «нити света», которая связывает двух существ, разделённых мирами. И о том, как эту нить можно использовать, чтобы пройти сквозь границу.

Он замер, перечитывая фразу снова и снова, пока слова не врезались в память намертво. Потом аккуратно собрал нужные страницы, переписал ключевые фрагменты в свой дневник, а оригиналы вернул на место.

Зармина появилась в проёме, будто из сумраков теней, резко, без предупреждения, и даже ветер, который ещё мгновение назад бесновался вокруг Ноктуса, будто сжался и притих, словно боялся привлечь её взгляд. Её плащ черно-синего цвета, с гербом созвездий мира к которому она принадлежала, тяжело ложился на плечи, а в глазах полыхал такой ледяной огонь, что казалось, он способен выжечь саму суть любого возражения. Она шагала вперёд, подошва её сапог глухо ударяла по каменному полу.

- Ты сошёл с ума, - вспыхнула она, не повышая голоса. Она смотрела на Ноктуса так, будто видела перед собой не брата-близнеца, а незнакомца, преступившего черту, которую нельзя было переступать ни при каких обстоятельствах.

Ноктус не обернулся сразу. Он будто нарочно тянул эту паузу, давая ей возможность выговориться. Но в то же время не желая слышать то, что она скажет, наконец медленно повернул голову, и в его взгляде не было раскаяния, только упрямая, обжигающая решимость.

- Я не сошёл с ума, Зармина. Я слышу её, - с нотой отчаяния вспыхнул он.

Зармина рассмеялась, но в этом смехе не было веселья, только горечь и гнев, острый, как лезвие.

- Ты слышишь эхо собственной привязанности! - она шагнула ближе, и Велмис невольно отодвинулся, пропуская её, будто опасался попасть под удар этой ярости. - Ты готов разрушить равновесие миров, ради чувства, которое может быть просто иллюзией! Ты хоть понимаешь, что будет, если ты откроешь врата? Не просто дверь, а трещину, нечто, до сегодняшнего дня нам не известное?

Ноктус сжал кулаки, - Я понимаю цену. И я её заплачу.

- А кто заплатит, если ты не вернёшься? - её голос дрогнул, и на мгновение в нём провалилась не только злость, но и отчаяние, то самое, которое она так старательно прятала за гневом. Она схватила его за плечо, впиваясь пальцами в ткань плаща, будто хотела встряхнуть его, вернуть того брата, которого знала.

- Мы близнецы, Зармина, - тихо и ласкового выдохнул он ей в лицо, глядя прямо в глаза, - Если я исчезну, часть тебя исчезнет вместе со мной. Но если я не пойду за ней, я перестану быть собой. И тогда ты всё равно потеряешь меня.

Зармина отшатнулась, будто он ударил её. Её пальцы разжались, и она прижала руку к губам, словно пытаясь не дать обидным словам вырваться наружу.

Ноктус чуть склонил голову, вглядываясь в её лицо, будто пытался прочесть там то, что она хотела сказать, но не говорила вслух.

Зармина покачала головой, и по её щеке скользнула слеза, которую она тут же смахнула, будто стыдясь этой слабости.

- Ты всегда был упрямым до безумия, - прошептала она, и в её голосе снова зазвучал гнев, но теперь он был приправлен горечью. - Но если ты сгинешь там в бездне, знай: я найду тебя даже среди пепла. Даже если придётся сжечь этот, тот и другие миры дотла.

С этими словами она резко развернулась и ушла, и её шаги, такие же дерзкие и тяжёлые, как и прежде, постепенно растворились в тишине библиотеки. Только эхо ещё долго гуляло между стеллажей, будто повторяя её угрозу.

Велмис тихо выдохнул, будто только сейчас позволил себе дышать, и покосился на Ноктуса.

— У неё сердце из стали и льда, — пробормотал он. — Но она любит тебя. По-своему. Когда солнце целует луну, рождается не просто тень и сумрак. Рождается миг, когда свет и тьма перестают быть врагами и становятся двумя сторонами одного дыхания. В час солнечного затмения, когда небо замирает в священном трепете, сама ткань мироздания становится тоньше, и сквозь неё проступает истина: нет света без тьмы, нет дня без сумерек.

Он сделал паузу, и воздух в библиотеке будто сгустился, наполнившись запахом нагретого янтаря и сухой травы.

- Тьма и Сумерки, не дети света и не дети тьмы. Они, дети самого этого мига. Момента, когда солнце и луна встречаются на границе миров, сплетая свои пути. Вы рождены не из плоти, а из этого мгновения. Это та часть затмения, где мир погружается в бархатную тишину, где звёзды становятся громче слов. Зармина, та грань, где тьма уже отступает, но свет ещё не осмелился заявить о себе в полную силу. Она, обещание рассвета, шёпот, который звучит раньше, чем первые лучи касаются земли. Вы не просто брат и сестра... вы одно целое, и можно понять её страх, когда один отблеск света пытаются заменить на другую вспышку свечения. Это и есть равновесие, которое так легко нарушить. И так тяжело восстановить.

Ноктус ничего не ответил. Он снова повернулся к витражному окну, к тому самому месту, где свет ложился неровными полосами, словно трещины между мирами. В груди его

свет пульсировал, звал, и теперь к этому зову примешивался ещё один отзвук, отзвук голоса Зармины, её гнева, её страха, её любви.

И он знал: он должен уйти. Не только ради Анаис. Но и ради того, чтобы однажды вернуться и доказать, что он достоин этой веры, даже если она выражалась в гнев.